

ISSN 2312-332X

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1(26)

2016

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2016
№ 1(26)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

Издается с 1997 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский университет

Главный редактор
П.С. Кабытов

Редакционная коллегия

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)
В.Н. Данилов
Э.Л. Дубман
Н.Н. Кабытова
В.В. Кондрашин
М.М. Леонов
Ю.Н. Смирнов

© Самарский университет, 2016
© Самарский земский сборник, 2016

Ответственный секретарь
О.Б. Леонтьева

Художественный редактор
Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет
Л.Н. Законовой

Подписано в печать 21.11.2016. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 6,3; уч.-изд. 4,5.
Гарнитура «Newton». Тираж 100 экз. Заказ №
Издательство Самарского университета,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, тел. 334-54-23.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Прайм».
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

- Баринаева Е.П., Леонтьева О.Б.** Надежда Николаевна Кабытова.
К юбилею ученого 4

Тема номера

- А.Д. Свербеев. Встречи и знакомства.** Цари и императоры, императрицы и другие августейшие особы (публикацию подготовили *М.В. Батшев, П.С. Кабытов, В.А. Тюрин*) 13
- Мякотин А.А.** Губернаторская власть в годы правления А.Д. Свербеева: обзор архивных источников 25

Статьи

- Заплетин В.В.** «Открытое письмо» В. Зорина: проблема создания мифа о стрельцах 32
- Дубман Э.Л.** Самара по описи низовых городов 1701–1704 гг. 40
- Леонов М.И.** Центральные организации партии эсеров в начале XX века 47
- Пурьгин А.Е.** Образ Л.Н.Толстого в российской культуре начала XX века 53
- Чепурнова Е.И.** Улица Дворянская. Формирование и развитие делового центра Самары 59
- Мкртчян Л.Г.** Армянская диаспора Самарского края XVIII – XXI веков: этапы формирования 65
- Информация для авторов* 71

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

УДК 930

Е.П. Баринава, О.Б. Леонтьева *

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА КАБЫТОВА. К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

В статье рассматриваются основные вехи жизненного и творческого пути Н.Н. Кабытовой. Проанализированы основные направления ее научной работы, охарактеризован вклад Н.Н. Кабытовой в изучение истории Российской революции 1917 г. и истории Самарского края.

Ключевые слова: Н.Н. Кабытова, Российская революция 1917 г., история Самары, новая социальная история

то определяет траекторию творческого пути ученого? Что обуславливает его или ее научные интересы, круг значимых тем и проблем? Семейные корни? Особенности личного характера? Традиции *alma mater*? Научная школа, к которой он или она принадлежит?

Научная судьба Надежды Николаевны Кабытовой, доктора исторических наук, профессора кафедры Российской истории Самарского университета,

---

* © Баринава Е.П., Леонтьева О.Б., 2016

Баринава Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Самарский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова;

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, oleontieva@yandex.ru.

почетного работника высшего профессионального образования России, лауреата Губернской премии в области науки и техники, может служить подтверждением того, что для формирования настоящего ученого важны все перечисленные выше факторы.

Прежде всего, как представляется, в становлении характера и формировании личности будущего ученого сыграли свою роль крепкие крестьянские корни ее семьи. Надежда Николаевна родом из села Борского Куйбышевской области. Ее мать, Анастасия Дмитриевна Панарина, потомок курских крестьян, переселившихся в село Заплавное Бузулукского уезда Самарской губернии, в годы войны была мобилизована в трудовую армию, работала трактористом, а в послевоенный период – сотрудником районной больницы. Отец, Николай Тимофеевич Коростин, прошедший советско-финскую и Великую Отечественную войну, имевший боевые награды, в послевоенный период работал шофером на предприятиях Борского района. Друг друга ее родители нашли в первый послевоенный год; Надежда Николаевна родилась 29 декабря 1946 г. Она окончила школу в селе Борском; до сих пор с теплотой вспоминает своих школьных учителей и районную библиотеку, которая брала начало от земской библиотеки XIX века и потому сохранила уникальные издания дореволюционного периода. В родное село Надежда Николаевна вернулась после окончания Казанского университета – с 1969 по 1972 гг. работала преподавателем в Борской вечерней школе, в среднем профессиональном училище № 1, была ответственным секретарем Волжского районного отделения общества «Знание». Вероятно, кровная связь с крестьянством, знание «изнутри» уклада жизни в послевоенном селе обусловили тягу Надежды Николаевны к изучению судьбы российского крестьянства на крутых исторических поворотах.

Отсюда же, по всей видимости, берут начало такие качества личности Надежды Николаевны, как целеустремленность, трудолюбие и организованность, оптимизм, позволяющий стойко переживать любые жизненные трудности. Студентам и коллегам Надежда Николаевна признается, что для нее идеалами женщины являются Екатерина II и Ирина Хакамада – обе они, несмотря на колоссальное различие эпох и политических ценностей, безусловно, сильные женщины с самостоятельной жизненной позицией. «Мне кажется, что это и есть самое главное, – не зависеть ни от кого и ни от чего, не подлаживаться, не угождать», – говорит Надежда Николаевна [4, с.7: 3].

В 1965 г. Надежда Николаевна поступила в Казанский государственный университет на отделение истории историко-филологического факультета, выдержав жесточайший по тем временам конкурсный отбор – 15 человек на место – и набрав на экзаменах 14 баллов из 15 возможных. Здесь, в стенах одного из старейших российских университетов, определилась и ее личная, и научная судьба. На втором курсе она вышла замуж за своего однокурсника Петра Серафимовича Кабытова, с которым с тех пор живет в любви и согласии; вместе они вырастили сына Николая и дочь Екатерину, а теперь воспитывают четырех внуков. Сфера ее научных интересов начала складываться благодаря тому, что Надежда Николаевна специализирова-

лась в семинаре крупнейшего историка, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Татарской АССР Ивана Михайловича Ионенко – одного из виднейших представителей формировавшегося тогда «нового направления» в советской науке. Под его руководством она защитила дипломную работу по теме «Установление Советской власти в Свияжском уезде Казанской губернии». С тех пор и определилась стержневая тема дальнейшей научной работы Надежды Николаевны – история революции 1917 года; эта проблематика была развита ею в кандидатской и докторской диссертациях.

Великая Российская революция – одно из ключевых событий не только в истории нашей страны, но и в мировой истории XX века. Ее изучение никогда не было легкой задачей: и в силу бесконечной сложности, многофакторности и многоаспектности самого революционного процесса, и в силу наличия идеологических штампов и шаблонов, которые создавались вокруг этого события самыми разными политическими силами. Тем сложнее историку найти свой подход к изучению этой проблематики, и тем ответственнее стоящие перед ним задачи. Для Надежды Николаевны Кабытовой путь к пониманию революционных событий лежал через изучение их региональной специфики. Обращение к судьбе русской глубинки в годы политических и социальных потрясений давало возможность изучить ход революции с максимальной степенью приближения, «перешунав дни», по завету Александра Исаевича Солженицына.

С 1972 г. Надежда Николаевна Кабытова работает в Самарском (тогда – Куйбышевском государственном) университете. Здесь она прошла путь от ассистента кафедры истории СССР до профессора кафедры Российской истории; здесь под научным руководством заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора исторических наук, профессора Ефрема Игнатьевича Медведева подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянские съезды Поволжья в 1917 г.». В 1979 г. диссертация была успешно защищена в спецсовете при Куйбышевском государственном педагогическом институте. Отзыв ведущей организации – Института истории, языка и литературы Казанского филиала АН СССР – был написан кандидатом исторических наук, ведущим научным сотрудником Юрием Ильичом Смыковым (в 1983 г. он защитил докторскую диссертацию). Он дал высокую оценку вкладу Н.Н. Кабытовой в научную разработку истории массовых объединений крестьянства и их роли в аграрной революции 1917 г. В качестве оппонентов выступили заведующий кафедрой Саратовского университета, доктор исторических наук Святослав Александрович Соколов и кандидат исторических наук, доцент Горьковского университета Андрей Васильевич Седов. Отзывы на автореферат прислали ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук Евгений Алексеевич Луцкий, доктор исторических наук, профессор А.С. Смирнов (на его монографию ассистент-аспирант Н.Н. Кабытова написала рецензию, которая была опубликована в 1977 г. в журнале «Вопросы истории КПСС» – весьма редкий случай, когда ведущий партийный журнал публикует рецензию молодого историка).

После успешной защиты кандидатской диссертации Надежда Николаевна продолжила разрабатывать проблематику истории революции 1917 г. Она провела колоссальную работу по поиску, выявлению и введению в научный оборот источников по теме своего исследования, изучив фонды трех центральных государственных архивов и восьми государственных областных архивов; многие из этих материалов стали доступны историкам лишь в 1990-е годы. Отыскивая собственный подход к осмыслению революционных процессов, Надежда Николаевна внимательно и беспристрастно изучила работы советских авторов, деятелей русской эмиграции, современных отечественных и зарубежных исследователей. К 1999 году она подготовила докторскую диссертацию на тему «Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году»; территориальные рамки работы охватывали значительный регион – Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Пензенскую и Саратовскую губернии. Результаты этой исследовательской работы также были представлены читательской аудитории в монографии «Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье» (Самара, 1999) и учебном пособии «Власть и общественные организации в Российской провинции в революцию 1917 г.» (Самара, 2002).

Диссертация была защищена 28 октября 1999 г. в диссертационном совете Казанского государственного университета – *alma mater* Надежды Николаевны. В качестве официальных оппонентов на защите выступили заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор Григорий Алексеевич Герасименко (г. Москва, Академия государственной службы при Президенте РФ); доктор исторических наук, профессор Энгель Ризакович Тагиров (Казанский государственный университет); доктор исторических наук, профессор Дмитрий Степанович Точеный (Ульяновский государственный университет). Отзыв ведущей организации – Московского педагогического государственного университета – подготовили заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор В.Г. Тюкавкин и заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор Э.М. Щагин; в отзыве было отмечено, что наблюдения и выводы Н.Н. Кабытовой являются научным вкладом в разработку истории российского революционизма. Отзывы на автореферат прислали доктор исторических наук, профессор Российского гуманитарного университета А.Х. Бурганов; доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Петровской академии наук, Академик гуманитарных наук Н.А. Шарошкин; доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Казанской государственной академии культуры и искусств Е.Д. Румянцев; декан исторического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, доктор исторических наук, профессор Л.Н. Гончаренко; доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского А.В. Седов; профессор экономического факультета Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, доктор исторических наук В.П. Семьянинов. Это свидетельствовало о большом

интересе научного сообщества к поставленной диссертантом проблеме. Защита диссертации сопровождалась интенсивной дискуссией, в которой приняли участие доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан И.Р. Тагиров, доктор исторических наук, профессор Р.И. Нафигов, доктор исторических наук, профессор Р.Г. Хайрудинов.

Авторы отзывов и участники дискуссии отмечали научную смелость диссертанта, взявшего за изучение темы, над которой работали сотни историков, и при этом – независимость суждений и оценок, высказанных в работе. Действительно, революция 1917 г. была представлена в работе Н.Н. Кабытовой нетрадиционно по сравнению с привычными подходами советской историографии. В традициях советской науки было бы начать подобное исследование с характеристики уровня социально-экономического развития региона, отметить наличие в нем пролетариата, подробно осветить политическую работу большевиков и их отношения с меньшевиками. В противовес такому подходу Надежда Николаевна избрала темой своего исследования сложную динамику взаимоотношений власти и общественных организаций на местах в ходе революции. Ей удалось опровергнуть устоявшийся в советской науке историографический миф о «двоевластии» Временного правительства и советов: опираясь на фактический материал, Надежда Николаевна убедительно доказала, что в Поволжье после Февраля 1917 г. не сложилось «двоевластия», как это было в центре. Ею был опровергнут и другой историографический миф: о том, что провинция в революционных событиях 1917 г. подражала центру. Материалы, введенные Надеждой Николаевной в научный оборот, результаты ее исследования наглядно свидетельствовали, что в провинции не было единого сценария развития революционных процессов.

В центре исследования Н.Н. Кабытовой оказался процесс формирования новых властных институтов, механизмы встречного воздействия социума на власть и власти на социум. Перед читателем работы Надежды Николаевны представало не два актора исторического процесса, схлестнувшихся в непримиримой борьбе (Временное правительство и советы), а множество акторов: органы земского и городского самоуправления, назначенные Временным правительством уездные и губернские комиссары, стихийно возникавшие на местах общественные комитеты (в том числе волостные и сельские) и другие властные, общественные, профессиональные, корпоративные структуры. Акценты при этом были сделаны на «революцию низов», процессы демократизации, охватившие российское общество в 1917 году. Ключевую ошибку Временного правительства Н.Н. Кабытова усмотрела в том, что оно упустило возможность опереться на советы и на общественные комитеты, и тем самым утратило контроль над демократическими силами страны.

Крестьяне – самый многочисленный социальный класс России – выступали в исследовании Н.Н. Кабытовой как самостоятельный и активный участник исторического процесса. Она внимательно рассматривала формы

крестьянской самоорганизации, самостоятельных крестьянских объединений и народного правотворчества, все ярче заявлявшие о себе по мере развития революционных событий. Социальные процессы 1917 г. в поволжской деревне были охарактеризованы ею как «общинная революция»; Надежда Николаевна подчеркивала непримиримость интересов крестьян-общинников и земельных собственников в революции, показывала, как по мере революции происходила поляризация общественно-политических сил и радикализация крестьянской массы, как «срастание» власти и земств толкнуло крестьян к советам, декларировавшим принципы классового представительства. Русский бунт представлял в ее работе как, безусловно, беспощадный, но не бессмысленный. Победа левого радикализма в российской революции 1917 года была показана как исторически глубоко обусловленное явление, причины которого коренились в столкновении традиционализма социума (в первую очередь крестьянства) с модернизаторством российской властной и интеллектуальной элиты. «Власть, сформированная после падения самодержавия, не отвечала архаичным потребностям большинства социума... – писала Н.Н. Кабытова. – Все попытки внедрить западнические общедемократические принципы регулирования социальных отношений в традиционном обществе оказались неэффективными прежде всего в провинции, так как традиционные устои здесь были крепче» [1, с.274].

Диссертационное исследование Н.Н. Кабытовой хронологически было доведено до конституирования советской власти на местах в ноябре-декабре 1917 года. Дальнейшие судьбы провинции, охваченной революцией, были освещены ею в монографии «В огне гражданской войны» (Самара, 1997), написанной в соавторстве с П.С. Кабытовым и посвященной драматичным событиям, развернувшимся в Самарской губернии в 1917-1920 гг.: территория губернии сначала была большевистским форпостом для организации сопротивления белому движению в Поволжско-Уральском регионе, затем перешла под власть Комитета членов Учредительного собрания, и, наконец, была возвращена под контроль большевистского правительства. Центральным героем этого исследования вновь оказалось крестьянство, отчаянно и упорно боровшееся в годы гражданской войны за реализацию своих насущных нужд и интересов, разочаровавшееся и в эсерах, и в большевиках, выступавшее с оружием в руках против любой власти, чтобы спасти хлеб от бесконечных и безжалостных реквизиций, мужчин – от принудительных мобилизаций, а свои семьи – от нищеты, разорения и голодной смерти. Трагически звучали финальные выводы работы: о том, что «нет и не может быть победителей в гражданской войне, а разоренным, и следовательно, побежденным оказался весь народ» [2, с.89].

В дальнейшей творческой биографии Надежды Николаевны можно выделить три основных русла научной работы. Ее научные интересы оставались прочно связанными с изучением истории Самары и Самарского края, с историей революции 1917 г. и историей крестьянства. Н.Н. Кабытова является соавтором коллективных монографий «Земля Самарская: очерки

истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции» (Самара, 1991), «Самарская летопись» (Самара, 1993), «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» (М., 2000), «Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.)» (Самара, 2007), двухтомной монографии «“Обретение родины”: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.)» (Самара, 2013-2014), «История Самары (1586-1917 гг.)» (Самара, 2015), а также коллективного учебного пособия «Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)» (Самара, 2013). Для этих коллективных трудов ею написаны разделы об особенностях социального состава населения Поволжья и, в частности, поволжских городов во второй половине XIX – начале XX в., о взаимоотношениях власти и общества в революции 1917 года, о судьбе региона в период «военного коммунизма» и под властью Комуца. В 2014 году Н.Н.Кабытова являлась руководителем гранта «Аграрная история XX века», в рамках которого была подготовлена и издана коллективная монография «Аграрная история XX века: историография и источники» (Самара, 2014). Для этой монографии Н.Н.Кабытова написала разделы «Крестьянские организации 1917 года в трудах отечественных историков» и «Общественно-политические функции общины в 1917 г.», а также в соавторстве – параграфы, посвященные ее научному руководителю Е.И.Медведеву и выдающемуся историку советского крестьянства В.В.Кондрашину.

За годы работы в Самарском университете Надежда Николаевна проявила себя не только как ученый-историк, но и как талантливый преподаватель и терпеливый создатель научной школы. Не одному поколению студентов памятливы организованные ею «ролевые игры», инсценированный диспут западников и славянофилов, которым традиционно завершается курс лекций по истории России XIX в. Надежда Николаевна разработала несколько авторских специализированных курсов, в числе которых – «Феноменология российской революции 1917 года» и «Власть и общество российской провинции в российской революции 1917 года».

Под научным руководством Н.Н.Кабытовой на сегодняшний день защищены диссертации 12 кандидатов наук. Показательно, что все эти диссертации написаны в русле той научной проблематики, над которой работает сама Надежда Николаевна. Так, кандидатские диссертации А.Б. Бирюковой (2006), Ю.А. Рогач (2006) и А.Ю. Климочкиной (2007) посвящены социокультурному пространству и повседневной жизни поволжских городов на разных исторических этапах: от первой половины XIX в. до индустриализации 1930-х гг. История городского самоуправления и его взаимоотношений с губернской администрацией в пореформенный период разрабатывалась в кандидатских диссертациях Н.Б. Гусевой (1996) и В.А. Тюрина (2004). Различные аспекты деятельности земского самоуправления в Поволжье освещены в работах О.В. Тургановой (1999), М.С. Чиркова (2000), А.В. Костюкова (2003). В целом ряде работ учеников Надежды Николаевны рассматри-

ваются разные грани и аспекты истории революции 1917 г.: так, кандидатская диссертация М.Н. Матвеева посвящена земствам Поволжья в 1917-1918 гг. (1995), диссертация А.А. Рогача – городской повседневности Самаро-Саратовского Поволжья в 1918-1920 гг. (2009), а работа П.А. Мистрюгова – местным чрезвычайным структурам советской власти в 1918-1922 гг. (2015). История послереволюционных взаимоотношений крестьянства с Советской властью (налоговая политика и реакция населения на нее, формирование местных органов власти, общественные настроения) исследуется в кандидатской диссертации А.А. Мякотина (2002). Таким образом, работы учеников Надежды Николаевны становятся органическим продолжением и развитием ее исследований, в чем залог прочности научной школы. Сквозной линией через большинство этих работ проходит тема повседневной жизни «простых людей» на разных исторических этапах: и в относительно спокойные исторические периоды, и во времена «великих перемен»; можно констатировать, что ученики Надежды Николаевны успешно осваивают проблемное поле «новой социальной истории».

Отмечая юбилей Надежды Николаевны, коллектив кафедры Российской истории Самарского университета, друзья, коллеги и ученики искренне желают ей новых творческих замыслов и их успешного воплощения в жизнь, ярких научных открытий, поднимающих завесу над драматическими событиями нашего общего прошлого, сил и вдохновения для преподавательской работы – и благодарной студенческой аудитории. И, конечно, мы желаем Надежде Николаевне сохранять присущий ей оптимизм, жизнелюбие, щедрость и открытость для общения – все то, что делает ее притягательным центром, настоящей душой нашего коллектива.

Библиографический список

1. Кабытова Н.Н. Власть и общественные организации в Российской провинции в революцию 1917 г. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002.
2. Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997.
3. Кочережко С., Еврасьев Д. Кабытова Надежда Николаевна // Сайт кафедры Российской истории Самарского университета [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.samsu.ru/teachers/kabnn>
4. Леонтьева О.Б. Наш юбиляр – Надежда Николаевна Кабытова // Самарский земский сборник. 2007. № 1 (15). С.3-8.

Ekaterina Barinova, Olga Leontieva

NADEZHDA KABYTOVA: THE JUBILEE OF THE SCHOLAR

The article is devoted to the main stages of the life and scholarly activities of Nadezhda Kabytova. The authors characterize the key themes of her scholarly works, and pay special attention to her impact in studying the history of the Russian revolution of 1917, the history of peasantry, and the history of Samara region.

Keywords: Nadezhda Kabytova, Russian revolution of 1917, history of Samara, history of peasantry, new social history.

ТЕМА НОМЕРА

УДК 94(47).08

А.Д. СВЕРБЕЕВ. ВСТРЕЧИ И ЗНАКОМСТВА. ЦАРИ И ИМПЕРАТОРЫ, ИМПЕРАТРИЦЫ И ДРУГИЕ АВГУСТЕЙШИЕ ОСОБЫ

(публикацию подготовили М.В. Батшев, П.С. Кабытов, В.А. Тюрин) *

Ниже публикуется фрагмент мемуаров государственного деятеля, самарского губернатора А.Д. Свербеева, посвященный встрече наследника престола Николая Александровича во время путешествия наследника в 1891 г. В предисловии к публикации даются комментарии к тексту и приводятся основные вехи биографии автора мемуаров.

Ключевые слова: губернатор, мемуары, А.Д. Свербеев, Самарская губерния, Николай II

В фондах Российского государственного архива литературы и искусств сохранились многочисленные дневники и воспоминания видного государственного деятеля конца XIX – начала XX в., самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева (1835-1917 гг.). Все эти материалы являются ценными историческими источниками и ранее не публиковались.

Огромный научный интерес представляют дневники чиновника, содержащие богатый материал о его служебной деятельности, ярких событиях региональной и столичной жизни. По своему содержанию они предстают перед современным читателем как скрупулезная каждодневная хроника.

---

* © Батшев М.В., Кабытов П.С., Тюрин В.А., 2016

Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия), bmv@list.ru (подготовка текста к публикации, предисловие);

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru (предисловие);

Тюрин Вадим Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, vad.im@inbox.ru, (предисловие).

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-11-63002

Впервые автор стал вести дневниковые записи во время службы в Костроме, продолжил их в Самаре и Санкт-Петербурге. Таким образом, дневники охватывают период 1877-1898 гг.

От дневников заметно отличаются мемуары, названные автором «Встречи и знакомства», фрагмент из которых мы предлагаем читателю. «Встречи и знакомства» А.Д. Свербеева, очевидно, предназначались автором к публикации; в них запечатлены самые яркие эпизоды жизни государственного деятеля – встречи с монаршими особами, выдающимися государственными и общественными деятелями. В фондах РГАЛИ сохранились черновик и чистовик «Встреч и знакомств». Чистовая рукопись занимает 90 листов, исписанных с одной стороны, а черновая – 33 листа, исписанных с двух сторон [3, л.6-22].

Основной темой данных воспоминаний являются встречи автора с представителями правящей династии. Об этом красноречиво говорит полный заголовок «Встречи и знакомства. Цари и императоры, императрицы и другие августейшие особы». В черновом варианте в заголовок было добавлено после «Встречи и знакомства» «Мои знакомые», но затем зачёркнуто. Текст состоит из девяти глав. Названия глав даны нами, в тексте они значатся просто под цифрами. Каждая из них рассказывает о встрече Александра Дмитриевича с одним представителем царствующего дома. Мы публикуем главу из мемуаров, где А.Д. Свербеев рассказывает о своей встрече с наследником престола, великим князем Николаем Александровичем, во время его возвращения через Самарскую губернию и Уральскую область из азиатского путешествия, в 1891 г.

Безусловно, изучение мемуаров А.Д. Свербеева следует предварить кратким биографическим очерком. Александр Дмитриевич Свербеев (1835-1917 гг.) представляет собой пример талантливого и успешного русского чиновника конца XIX – начала XX в. Он принадлежал к известному московскому дворянскому роду. Отец, Дмитрий Николаевич Свербеев (1799-1874 гг.), – общественный деятель, представитель московских интеллектуальных кругов середины XIX в. Мать, Елена Александровна (урожденная княгиня Щербатова), являлась хозяйкой популярного московского салона. Дом Свербеевых был одним из центров «возрождения» общественно-политического движения, местом жарких споров «западников» и «славянофилов». Эта либеральная атмосфера, несомненно, наложила отпечаток на мировоззрение Александра Дмитриевича Свербеева [4, с.5].

В 1856 г. А.Д. Свербеев окончил Московский университет, посещал курсы лекций Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева. В том же году началась его служба в Министерстве внутренних дел. Служба была успешной, начало карьеры совпало с подготовкой и реализацией отмены крепостного права, а личный вклад в нее Александра Дмитриевича был отмечен знаком отличия «За поземельное устройство государственных крестьян» (1866 г.). Уже в 1864 г. Свербеев получил придворное звание камер-юнкера, а 28 марта 1871 г. стал действительным статским советником. До 1878 г. он занимал место костромского вице-губернатора. В 1878-1891 гг. находился на посту самарского губернатора [1, с.148].

На посту губернатора А.Д. Свербеев был обязан контролировать и координировать деятельность более чем десятка административных учреждений самого разного характера. Сложность и ответственность этой работы предъявляли жесткие требования к личности и чертам характера губернатора. На губернаторском посту А.Д. Свербеев пребывал в период царствования Александра III, что заставляло его придерживаться консервативного стиля административной деятельности.

Самарскому губернатору Александру Дмитриевичу Свербееву удалось добиться серьезных успехов на своем посту. В 1870-80-е гг. Самарская губерния демонстрировала высочайшие показатели социально-экономического развития и товарного производства зерна. Здесь возникла новая российская житница, а Самара стала важным волжским промышленным и транспортным центром. За годы службы А.Д. Свербеева население губернского города Самара выросло примерно на 30% (с 75 тыс. чел. в 1884 г. до 92 тыс. в 1893 г.). В Самарской губернии были открыты промышленные предприятия всероссийского значения (механический завод Бенке-Лебедева, Жигулевский пивоваренный завод), сооружены водопровод, несколько электростанций, десятки паровых мельниц и т.д. Современники отмечали ярко выраженные административные способности самарского губернатора, в том числе склонность к систематизации, ответственность, наблюдательность и работоспособность [2, с.230].

А.Д. Свербеев покинул Самару 23 декабря 1891 г. и продолжил свою карьеру в 4-м Департаменте Правительствующего Сената. Скорее всего, его перевод из Самары являлся реакцией правительственных кругов на голод 1891-1892 гг. Карьера в Санкт-Петербурге строилась успешно, к 1905 г. он получил чин действительного тайного советника. А.Д. Свербеев был отмечен и рядом высоких наград, в том числе орденами св. Владимира I степени (традиционно жаловался за особые заслуги лично императором), св. Александра Невского, св. Анны I степени, св. Станислава I степени.

Александр Дмитриевич Свербеев вошел в историю Самарской губернии как один из наиболее просвещенных, деятельных и успешных ее руководителей. В годы его службы экономический потенциал губернии значительно возрос. Губернская Самара стала одним из торгово-промышленных, сельскохозяйственных, транспортных центров Российской империи. Активно развивались социокультурная сфера и учреждения местного самоуправления. Дальнейшее изучение роли и места А.Д. Свербеева в российской административной сфере имеет несомненную перспективу, ввиду малой вовлеченности в научный оборот его дневников и воспоминаний.

Публикация одной из глав мемуаров А.Д. Свербеева «Встречи и воспоминания» впервые вводит в научный оборот ценные сведения о личности наследника престола Николая Александровича. В мемуарах приводятся характеристики состояния восточных уездов Самарской губернии и западных уездов Уральской области. Автор ярко и образно показал жизнь и быт различных слоев местного населения, подробно осветил широкое празднование юбилея Уральского казачьего войска, отметил проявления верно-

подданнических настроений различных слоев населения. Орфография и пунктуация подлинника сохранены.

М.В.Батшев, П.С.Кабытов, В.А.Тюрин

* * *

Глава 4. Николай II Александрович

В первый раз был я принят государем наследником Николаем Александровичем 28-го Июля 1891 года в г. Бузулуке на железнодорожном вокзале, когда его высочество возвращался из своего кругосветного плавания и намеревался из Бузулука продолжить свой путь в Уральскую область, где праздновали юбилей Уральского казачьего войска.

После встречи государя наследника я представлял его высочеству всех самарских губернских властей во главе с епископом Владимиром¹, ныне Киевским митрополитом, а за тем и всех Бузулукских чинов, при чём выслушал от прибывшего в свите наследника командующего войсками Казанского округа генерал-адъютанта Мещеринова², что его величество намерен сопровождать его высочество до самого Уральска, несмотря на то, что тут же состоявший при его высочестве генерал-адъютант князь Барятинский³ сообщил мне, что генерал Мещеринов дальше не поедет. Хотя это обстоятельство доставило мне не мало хлопот и неожиданный спутник на всех станциях ворчал и бранился, что для него лошади не были готовы, но его ворчанье составило приятную забаву высокому гостю и всей его свите.

На железнодорожной станции чрезвычайно красиво убранной, были мною представлены его высочеству только что назначенные земские начальники, впервые появившиеся в нашей самарской стороне и один татарский мулла. Состоялся тут же на станции завтрак у его высочества, на коем кроме епископа самарского Владимира, присутствовал соседний уфимский губернатор свиты е.и.в. генерал-майор Норд⁴ и все самарские власти.

После завтрака государь наследник и вся его свита вместе со мной выехали в дальнейший путь по Самарской губернии, где на самой границе Уральской области был устроен ночлег для высокого гостя; в этом небольшом селе не было ни одного дома, в котором можно бы было отвести приличную квартиру для высокого гостя, и потому, я предварительно съездив туда, что бы осмотреть местность, решился выстроить особый дом, в котором мог бы ночевать наследник и принять к обеду сопровождавших его лиц; тогда же осмотрел я и церковь, весьма скромную; и познакомился с местным священником, для коего приобрёл новое облачение для встречи его высочества и подробно ему рассказал, как именно он обязан встретить его высочество; должен прибавить, что мои объяснения нисколько не помешали скромному иерею сделать молчаливое приглашение рукой наследнику – как он и намеревался (по его словам) это сделать раньше, встать возле него, священника, на самой солее, но его высочество, движением головы, дал понять иерею, что останется на избранном им месте. Кроме гене-

---

рал-адъютанта князя Барятинского, в свите его высочества находились флигель-адъютант кн. Н.Д. Оболенский⁵ (мой троюродный брат) и адъютанты наследника – кн. В.С. Кочубей⁶ и лейб-гусар Е.Н. Волков⁷, а также сопровождавший его высочество в кругосветном плавании кн. Э.Э. Ухтомский⁸, теперешний редактор *Петербургских Ведомостей*, издавший впоследствии большой том со многими иллюстрациями и рассказами обо всех путешествиях государя наследника.

Путь наш лежал ещё 80 вёрст по Самарской губернии от г. Бузулук, и местное население встречало августейшего гостя в селениях, где он останавливался (4 остановки), а окрестные жители составляли как бы живую изгородь между этими селениями; на всех остановках государь наследник милостиво разговаривал с крестьянским населением и особенно отличал тех солдат, которые его встречали и между коими нашлись несколько лейб-гусаров того полка, где его высочество только что отбывал свою последнюю службу.

Одна остановка была в доме священника и его высочество предварительно зашёл в сельскую церковь рядом с жилищем местного иерея, прежде чем посетить его квартиру; часов в 6 вечера прибыли мы на место нашего ночлега, где во вновь выстроенном доме в столовой был накрыт стол для трапезы и комната была украшена колосьями, – несмотря на выдающееся засушливое и жаркое время, вследствие коего к зиме обозначился полный неурожай хлебов во всей Самарской губернии.

Свиты генерал-майор Шипов⁹, уральский губернатор и атаман казачьего войска прибыл на место ночлега, что бы встретить его высочество близ своей границы и на другой день мы рано тронулись в путь, – но до самой уральской границы я ехал впереди наследника вместе с начальником уральского конвоя, высланного для встречи его высочества и поставленного по всему пути до Уральска. Когда дежурный казак встречал на своём пути его высочество, то он немедленно следовал за его экипажем, что и составляло большой казачий конвой при дальнейшем следовании государя наследника. От самарской границы до г. Уральска считается 120 вёрст и мы останавливались в казачьих станицах, где население встречало высокого гостя, а местные казачки подносили его высочеству арбузы, дыни и другие плоды со своих бахчей; если на пути находилась единоверческая церковь, то наследник входил в неё и слушал краткий молебен; заметно было малое рвение посещений этих церквей казаками, хотя на другой день Оренбургский архиерей за обедом рассказал наследнику, как много уральцев присоединялось ежедневно к единоверию, но для нас стало очевидно, что уральское население открыто держалось своей старой веры.

После завтрака в одной из станиц казачьего войска, где шампанское лилось рекой, и, помнится было большое оживление, при чём его высочество, а также и его свита, нам рассказывали про своё путешествие по Индии, Цейлону и другим азиатским странам; когда мы прибыли в г. Уральск, то прежде всего посетили кафедральный собор и были встречены архиереем и всеми местными властями; в этом храме меня особенно поразили

русские наряды всего местного женского населения, на коих были белые сарафаны и кокошники, шитые серебром и большие белые фаты, которые очень украшали особенно молодое поколение. В Уральске встретил нас бывший Уральский губернатор свиты генерал-майор князь Григорий Сергеевич Голицын¹⁰, так же ещё недавно правивший Уральской областью, где я его посетил и пользовался его хлебосольством; были мы с ним очень дружны и первый вечер провели вместе в Уральске, не мешая отдыху высокого гостя, с коим встретились на другой день в 6 часов утра (по случаю жары) на смотре Уральского казачьего войска, проезжавшего мимо своего августейшего атамана, и встречавшего его в первый раз в своей Уральской области.

Красивую картину представлял этот смотр Уральских казаков; после него последовала джигитовка, смотреть которую мы были приглашены государем наследником в устроенную для него беседку вместе с моим другом кн. Голицыным, с коим мы скромно поместились в галереях отведённых для публики.

Князь Голицын пробыл семь лет наказным атаманом казачьего войска и был там очень популярен, потому что неустанно работал для нужд и пользы местного населения и отличался своею мудрою деятельностью, вставал в 4 часа утра, появлялся на базарах и всегда разговаривал с приезжим населением и входил во все его нужды; в 6 утра он принимал все доклады и когда я, бывши у него гостем только год тому назад, вставал утром в 8 часов, то он уже кончал свои приёмы и показывал мне достопримечательности города, где всё местное население было одето в один и тот же военный наряд, т.е. мундиры Уральского войска, что не могло не сблизать население со своим начальством.

Вернёмся теперь к пребыванию наследника в Уральске; после джигитовки смотрели мы на скачки уральских казаков и в 9 ч. утра поехали дальше в только что выстроенную сельскохозяйственную школу и присутствовали там при освящении домового храма и вслед за тем молились за обедней, после которой гостям был предложен обильный и вкусный завтрак. Оттуда состоялось путешествие к киргизам и мы присутствовали на борьбе этих инородцев, умыкании невесты, которую по обычаю непременно должен был силой увести жених из её семьи, отбивая её от преследования её конных родственников; наконец, смотрели красивых лошадей, подводимых киргизами в подарок высокому гостю, под великолепными попонами, сшитыми киргизскими женщинами которые тут же в своих замысловатых уборах разносили чай и угощения собравшимся гостям.

Смотря на киргизов, сидевших на конях, я узнал от высокого гостя, что за Оренбургом в калмыцкой стороне государя наследника сопровождало в виде конвоя, 150 местных жительниц, что мне казалось большой редкостью. Из киргизской среды его высочество направился в город осмотреть местную уральскую выставку, а я уехал домой, чтобы отдохнуть до обеда и только перед самой трапезой явился в квартиру его высочества, чтобы присутствовать на прибытии новых знамён, которые на другой день должны были быть переданы Уральскому войску на площади перед собором на вой-

---

сковом кругу, где в первый раз наследник цесаревич появится в звании их верховного атамана. Обед был очень оживлён и соединял всё начальствующее общество, как военное, так и гражданское и едва окончился, как мы отправились на бал, даваемый казачьим войском своему атаману. В длинной зале нас ожидало множество дам – супруг и дочерей уральских казаков и во главе их жена генерал-майора Шипова со своими дочерьми, а так же жена начальника штаба г-жа Родзянко, рождённая княжна Оболенская – моя кузина; только эти четыре дамы были одеты в европейские бальные платья, все же прочие уроженки уральской области носили свой национальный костюм, т.е. русские наряды: сарафаны, кокошники и фаты, украшенные серебром, что придавало этому балу удивительно красивое впечатление; августейший гость всё время много танцевал и преимущественной с уральскими молодыми дамами. Бал окончился очень поздно – около 2-х часов ночи и пол ужина я любовался, никогда не виданным мною зрелищем: сперва вышла танцевать «казачка» одна молодая пара, затем – вторая, несколько постарше женатых людей, и наконец в конце праздника проплясала перед нами уже пожилая пара и кавалером в ней выступал полный старик; эти казачьи танцы имели большой успех у высокого гостя и всей собравшейся публики; наконец в 3 часа ночи нас отпустили домой и, признаться, мы были очень рады отдохнуть после такого занятого и светлого дня.

На другой день 30-го Июля мы были собраны на площади древнего уральского собора, в коем когда-то Пугачёвым¹¹ был замучен священник, потому что не согласился обвенчать его. Вокруг площади было собрано Уральское войско и были сооружены несколько галерей для публики, посредине устроен нарядный навес для августейшего атамана, вокруг коего собралось всё военное начальство и состоялся войсковой круг, где коленопреклоненные перед новым знаменем, только что пожалованным казачьему войску и которое держал августейший атаман, приносил присягу наказной атаман генерал-майор Шипов, а затем последовало благодарственное молебствие; после торжественной службы и не смотря на самое знойное время дня, с этой площади шествовал крестный ход до другого конца города, где архиерей совершил закладку нового собора в память трёхсотлетнего юбилея казацкого войска; наследник цесаревич шёл всё время пешком с булавой Петра Великого в руках. По окончании этой церемонии все власти и публика вместе с августейшим гостем проследовали в так называемую Ханскую Рощу, находившуюся за городом на берегу Урала, где состоялось редкое и по своей картинности чрезвычайно красивое зрелище.

Как известно в летнее время рыболовство на Урале не дозволено и делается одно исключение для атамана войска, что и называется «атамановым кусом». В честь юбилея и приезда верховного атамана всех русских казачьих войск состоялось на реке Урал в этот день необычно торжественное рыболовство и разом с обоих берегов реки ринулись в воду 600 приготовленных лодок с сидящими на них казаками; подъезжая к месту, где остановился наследник, каждая лодка выбрасывала к ногам его высочества по ог-

ромному осетру и все эти наловленные в этот день сотни больших рыб, были пожалованы его высочеством Уральскому войску.

Тут же на берегу против опушки Ханской рощи был выстроен огромный павильон, в коем казацкое войско угощало торжественным пиршеством своего высокого гостя; всё пространство от этого павильона до самой рощи было заставлено столами, в виде лучей от рощи до беседки наследника; за эти столы было посажено 6000 казаков и один угол особенно выдавался своими оригинальными киргизскими нарядами; обед был очень оживлённый и весёлый, и когда его высочество вышел на балкон и выпил за здоровье Уральского войска, то бурное «Ура!» всех 6000 казаков нас так оглушило, что мы долго не могли придти в себя и успокоиться, увлечённые народным восторгом. В конце обеда была подвезена наследнику коляска с великолепной тройкой лошадей – дар Уральского войска – но когда его высочество сел в экипаж, то казаки отпрягли лошадей и сами на себе везли своего атамана от места обеда до самого города.

Вечером того же дня мы были собраны на губернаторской даче, где и обедали в многочисленном составе; архиерей занимал наследника рассказами об успехах православия в уральском крае, а мой приятель кн. Гр.С. Голицын занимал всех нас своими остроумными рассказами. Так как на другое утро предполагался обратный выезд наследника, то меня занимала мысль, как бы мне скорее выехать из Уральска, что бы принять его на границе своей губернии. Но предварительно следовало получить разрешение на мой выезд от наследника цесаревича и я мог только с трудом этого добиться, потому что его высочество настаивал, что бы мы выехали вместе из Уральска на другое утро. Получив разрешение я в ту же ночь выехал из города и на другой день утром был на месте нашего самарского ночлега и успел заказать обещанную мною простоквашу, которую и приготовили к часу приезда его высочества.

Моего возвращения, ожидало множество женщин, с приготовленными ими шитыми подношениями в виде скатертей, полотенец и даже пары носков для высокого гостя (на одном носке был вышит вензель «Н.А.» под императорской короной, а на другом – «Боже Царя храни», и замечательный этот экземпляр был в последствии выставлен со всеми прочими подношениями государю наследнику во время его кругосветного путешествия).

Выставка этих подарков была интересна и богата, однако носки не могли не привлечь внимания своею бесхитростною наивностью.

Тут же нашёл я двух близких мне приятелей: художника Д.П. Куроедова¹², которому я поручил для поднесения наследнику написать вид, выстроенного нами для его ночлега дома, что он и исполнил во время нашего пребывания в Уральске; другой приезжий был крестьянин Бузулукского уезда, которого я открыл несколько лет перед тем, во время моих ревизионных поездок; назывался он Григорием Журавлёвым¹³ и, будучи калекой со дня рождения – т.к. он был лишён возможности ходить и действовать руками, вследствие атрофии мышц (он с трудом двигался на коленях), тем не менее он сделался иконописцем и писал свои иконы держа кисть в зу-

---

бах, и хотя живопись его была не мудрёная, и состояла в копиях с образов его сельской церкви, но Бог помог мне дать ему возможность усовершенствовать свой талант даже не прибегая к его обучения в какой-нибудь школе, потому что он настойчиво отказывался оставить свою семью и своё село, да и всякая школа отказывалась принять его в следствии его нездоровья. Возил я его с собой в Москву и Троицкую Лавру, где он несказанно любовался иконописью московских соборов, храма Спасителя и древнего иконостаса у преподобного Сергия и получил благословление и подарки от многих духовных лиц – много икон прекрасного письма. С этих икон он начал списывать копии и таким образом достиг весьма хороших результатов, что ему помогло доставить пропитание себе и некоторую помощь своей семье, которая не была нуждающейся и охотно помогала ему в его работе, чем особенно занимались его дедушка и бабушка. Кстати сказать, наследнику были поднесены две его иконы: 1-я в Бузулуке, епископом Самарским Владимиром – икона московского святителя Алексия, покровителя города Самары; другая же – на месте ночлега при проезде в Уральск – иереем местной церкви столь наивно приглашавшим государя наследника стать возле себя на молебне.

Ему самому Григорию Журавлёву посоветовал я устроить цветочную арку на пути выезда из Самарской губернии наследника цесаревича и он очень успешно с помощью художника Куроедова, изобразил на ней надпись: «Доброго пути».

Когда наследник приехал, я ему представил обоих живописцев, его высочество милостиво пожаловал 100 рублей живописцу калеке, а Куроедову – за поднесённую картину драгоценный перстень; тут же сделали свои подношения местные крестьянки, которым было вручено денежное поощрение.

После простокваши его высочество тронулся в обратный путь и когда стемнело мы вернулись на железнодорожную бузулукскую станцию; по всему пути стояло непрерывной цепью местное население с зажжёнными фонарями в руках, а на станции Бузулук нас ожидал очень красивый фейерверк.

В вагоне его высочества состоялся обед, во время коего все мы обменивались воспоминаниями о пережитых нами на уральском юбилее весьма интересных дней, коими, его высочество остался чрезвычайно доволен. Ночью поезд тронулся дальше и всю ночь свита наследника вместе со мной разбирала поданные его высочеству прошения и передавала мне, назначенные денежные пособия и вещественные награды для всех лиц, потрудившихся во время пребывания его высочества в Самарской губернии.

На рассвете приехали мы в Самару и я доехал с его высочеством до Сызрани, где его встретило Симбирское губернское начальство в лице губернатора Н.П. Долгова-Сабурова¹⁴ и епископа Варсанофия¹⁵, который войдя в вагон, так сильно сконфузился, что остановился в дверях вагона, не зная как поступить с иконой, которую держал в руках. Стоя за спиной наследника, я указал архиерею движением руки, что бы он благословил его висо-

чество и когда он на это решился, то между ними произошёл обмен приветствий. Сам я стал прощаться с наследником цесаревичем и благодарить его за милостивое внимание и за приглашение сопутствовать ему в Уральск, где я мог участвовать в торжествах по случаю юбилея Уральского казачьего войска. Впечатление, которое оставила во мне эта поездка и, в особенности сам государь наследник было самое благоприятное и я должен признаться, что его высочество своей приветливостью, сердечной учтивостью и большим тактом привлёк к себе все сердца и оставил в Уральске самое лучшее о себе воспоминание. Никогда не забуду этих пяти дней проведённых мною в постоянном общении с наследником цесаревичем, когда я мог оценить его ум и дарования и услышать от него многие замечательные мысли и суждения о людях и обстоятельствах, и между прочим врезавшиеся в мою память слова о том, что его высочеству совершенно не понятно, как можно преследовать людей за их веру, что бывало ошибкой у некоторых правителей русской земли (наших предшественников).

Отпуская меня его высочество в знак своего благоговения, подарил мне свой большой фотографический портрет в серебряной раме и прибавил, что очень извиняется за такой громоздкий подарок.

РГАЛИ. Ф. 472. Оп.1. Ед.хр.104. Л.6-22.

Примечания

¹ Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский) (1 января 1848 г., с. Малая Моршевка, Моршанский уезд, Тамбовская губерния – 25 января 1918 г., Киев), епископ Самарский и Ставропольский (с 19 января 1891 г.). Основал в Самаре Алексеевское религиозно-просветительское братство, положил начало духовно-нравственным чтениям в зале Городской Думы. Открывал женские церковные школы, всероссийскую известность принесла его деятельность во время эпидемии холеры. В 1892-1898 гг. – экзарх Грузии, в 1898-1912 гг. – митрополит Московский и Коломенский, в 1912-1915 гг. – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, в 1915-1918 гг. – митрополит Киевский и Галицкий.

² Мещеринов Григорий Васильевич (22 января 1878 г., Калуга – 26 августа 1901 г., Казань, по другим данным – Санкт-Петербург), военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, офицер Генерального штаба, участник Крымской войны и русско-турецкой войны 1877-1878 гг., атаман Сибирского казачьего войска, Западно-Сибирский генерал-губернатор. В 1882-1901 гг. – командующий войсками Казанского военного округа.

³ Барятинский Владимир Анатольевич (1843-1914 гг., Санкт-Петербург), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в 1863 г. принимал участие в подавлении Польского восстания. В 1890-1891 гг. сопровождал наследника цесаревича великого князя Николая Александровича в его азиатском путешествии.

⁴ Норд Лев Егорович (14 августа 1847 г. – 19 января 1894 г., Москва), государственный деятель, генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С 1885 г. Астраханский, с 1888 г. – Таврический вице-губернатор, в 1889-1894 гг. – Уфимский губернатор.

⁵ Оболенский Николай Дмитриевич (24 ноября 1860 г. – 1912 г.), князь, генерал-майор Свиты его императорского величества, сын члена Государственного совета, князя

Д.А. Оболенского. С марта 1890 г. – флигель-адъютант. В октябре 1890 – 1891 гг. находился в Свите наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

⁶ Кочубей Виктор Сергеевич (11 октября 1860 г. – 4 декабря 1923 г.), князь, генерал, в 1892-1894 гг. – адъютант наследника цесаревича великого князя Николая Александровича, сопровождал его в азиатском путешествии.

⁷ Волков Н.Е. – гусар, адъютант наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

⁸ Ухтомский Эспер Эсперович (14 августа 1861 г., Ораниенбаум - 12 ноября 1921 г., Детское Село), русский дипломат, ориенталист, публицист, поэт, переводчик. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, служил в Министерстве иностранных дел, в 1886-1890 гг. был командирован в Монголию, Китай, Забайкалье, один из первых российских исследователей буддизма и народов Азии. В 1890-1891 гг., сопровождая цесаревича Николая Александровича, написал книгу «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича». Входил в ближайшее окружение Николая II, в 1896 – 1917 гг. издавал Санкт-Петербургские Ведомости.

⁹ Шипов Николай Николаевич (17 марта 1896 г. – 15 марта 1911 г.), генерал-лейтенант, в 1885-1893 гг. наказной атаман Уральского казачьего войска. В 1885-1893 гг. - губернатор Уральской области.

¹⁰ Голицын Григорий Сергеевич (1838 – 1907 гг.), князь, государственный деятель, участник Кавказской войны. В 1876 – 1885 гг. был военным губернатором и командующим войсками Уральской области; наказной атаман Уральского казачьего войска. В 1885 г. назначен в Сенат, с 1 января 1893 г. – член Государственного Совета.

¹¹ Пугачев Емельян Иванович (12 января 1742 г. – 10 января 1775 г.), донской казак, предводитель крестьянского восстания в 1773-1775 гг.

¹² Куроедов Дмитрий Петрович (15 июня 1859 г. – ?), русский художник.

¹³ Журавлев Григорий Николаевич (1858 г., с. Утевка, Бузулукский у., Самарская губ. – 15 февраля 1916 г.), русский художник, иконописец.

¹⁴ Долгово-Сабуров Николай Павлович (1829 (по другим сведениям, 2 января 1838 г.) – 1 октября 1903 г., Санкт-Петербург), государственный деятель, действительный статский советник, Симбирский гражданский губернатор в 1873-1886 гг.

¹⁵ Варсонофий (в миру Яков Петрович Охотин) (17 марта 1830 г., Красное, Тамбовская губерния – 12 августа 1895 г., Симбирск), епископ Русской православной церкви, в 1892-1895 гг. – епископ Симбирский и Сызранский.

Библиографический список

1. Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996.
2. История Самары (1586-1917 гг.): монография. Самара, 2015.
3. Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 472. Оп.1. Ед.хр.104.
4. Хомяков Д.А. Несколько слов о Дмитрие Николаевиче Свербееве // Свербеев Д.Н. Мои записки. М.: «Наука», 2014.

**ALEXANDER SVERBEEV. MEETINGS AND ACQUAINTANCES. TSARS AND
EMPERORS, EMPRESSES AND OTHER ROYAL PERSONS**

(edition and preface by *Maxim Batshev, Piotr Kabytov, Vadim Tyurin*)

The authors introduce an excerpt from the memoirs of a statesman, Samara governor Alexander Sverbeev, which is dedicated to his meeting with the heir to the Russian throne Nikolay Alexandrovich during his Asiatic trip in 1891. The preface to the publication contains the comments to the text of memoirs and the main facts of the narrator's biography.

Keywords: Governor, memoirs, A.D.Sverbeev, Samara province, Nicholas II of Russia

ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ А.Д. СВЕРБЕЕВА: ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В статье рассматривается источниковая основа ретроспективного исследования губернаторской власти. Представлен источниковедческий анализ документов Центрального государственного архива Самарской области, относящихся к периоду губернаторства А.Д. Свербеева (1878 – 1891 гг.). Характеризуется видовой состав делопроизводственных источников, их сохранность, аутентичность, информативность.

Ключевые слова: А.Д. Свербеев, самарский губернатор, губернская администрация, канцелярия губернатора, делопроизводственная документация, источниковедческая критика, комплексы документации.

В России – в рамках любой «формации» – государственная власть являлась «стержнем» социальной организации. Власть интегрировала в системное целое крайне разнородные территории, социальные и этнические группы. Она проектировала и инициировала общественное развитие. Эту роль государственной власти можно считать константой русской истории; она не изменилась после либеральных реформ 1860-1870-х гг. Анализ системы государственного управления дает «выход» на фундаментальные проблемы «позднеимперской» истории (социальная база власти, механизм проведения реформ и т.д.) [4]. Важной подсистемой государственного механизма была региональная (губернаторская) власть. Территориальная удаленность и неразвитость коммуникаций способствовали, в известной мере, автономному функционированию местной власти. В системе губернского управления были «проявлены» наиболее характерные (типологические) черты российской власти. В настоящей статье рассматривается – в источниковедческом аспекте – деятельность самарской губернской администрации в период правления Александра Дмитриевича Свербеева.

Деятельность губернатора определялась, в значительной мере, целевыми установками центрального руководства. Губернатор являлся чиновни-

---

* © Мякотин А.А., 2016

Мякотин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского национального научно-исследовательского университета имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет), andrey_mn_75@mail.ru.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-11-63002.

ком Министерства внутренних дел, т.е. исполнителем заданий этого ведомства [1, с.84]. Поэтому анализ оснований (мотивов) губернаторской деятельности требует изучения входящей директивной документации, прежде всего, циркуляров Министерства внутренних дел. Входящие распорядительные акты МВД за 1878 – 1891 гг. (период правления А.Д. Свербеева) выявлены в фонде канцелярии самарского губернатора. В гораздо меньшем – почти единичном – количестве циркуляры МВД содержатся в фонде губернской земской управы и городской думы [3, Оп.4. Д.3. Л.16]. Это вторичные экземпляры (копии) документов, которые дублируют документацию фонда губернаторской канцелярии. Циркулярные предписания МВД сформированы в архивные комплексы, как правило, отдельно от других документов; гораздо реже в делах с циркулярами содержится переписка по их исполнению. Циркуляры разделены, в ряде случаев, значительными хронологическими интервалами. Это свидетельствует о лакунах, т.е. неполной сохранности этих документов. Например, отсутствуют директивные документы МВД за апрель – начало мая 1878 г., июнь-август 1884 г. и т.д. Неполнота массива сохранившихся директив подтверждается, косвенным образом, реестрами входящей документации; они содержат записи о регистрации циркуляров МВД, отсутствующих в архивных делах. Среди ретроспективных документов канцелярии гражданского губернатора содержится, по нашим подсчетам, более 280 циркуляров министерства внутренних дел [2, Оп.28. Д.11, 14-20, 22; Оп. 30. Д.12, 13, 71; Оп.31. Д.1, 2, 33; Оп.96. Д.1, 14, 21; Оп.97. Д.1; Оп.98. Д.1,2; Оп.105. Д.1.; Оп.163. Д.16; Оп.176. Д.1,2; Оп.200. Д.1; и др.]. Заметим, что делопроизводители в ряде случаев регистрировали в качестве циркуляров сугубо информационные документы (уведомления, циркулярные письма, запросы).

Тематика циркуляров характеризует функциональное «поле», в котором происходило взаимодействие губернаторской власти и правоохранительных структур. Большая часть директивных документов МВД (более 60%), полученных губернской администрацией в конце 1870-х – 1880-е гг., посвящена проблемам охраны правопорядка, расследования дел, розыска правонарушителей и т.д. В частности, значительный общественный резонанс имело дело о «покушении на убийство» земского служащего А.А. Бострома, совершенном уездным предводителем дворянства Николаем Александровичем Толстым (отцом писателя А.Н. Толстого). Более полугодом это происшествие находилось в эпицентре внимания самарской «общественности». Его расследование сопровождалось интенсивной перепиской А.Д. Свербеева с судебными-правоохранительными органами – министром внутренних дел, департаментом общих дел МВД, прокурором Самарского окружного суда, уездным исправником [2, Оп.30. Д.72. Л.3-6, 9-об, 11-об, 12, 13]. Материалы переписки не позволяют установить личного отношения А.Д. Свербеева к обстоятельствам этого дела. Его участие в судебном-следственном процессе заключалось в передаче (с минимальной обработкой) сведений, полученных от уездных властей, на верхний «этаж» управления. Тем не менее, материалы ведомственной переписки позволяют выявить устойчивые информационные (и функциональные) связи губернской влас-

ти с другими властными учреждениями.

Другими проблемами, затронутыми в директивах МВД, были сбор налогов, платежей, недоимок; учет населения, поземельные отношения, «филантропические» мероприятия, порядок применения правовых актов и др. Значительная часть входящей документации, поступившей из МВД (более 20%), представляла собой запросы о предоставлении информации о социально-хозяйственных объектах, группах населения, налоговых мероприятиях и т.д. Как правило, эти сведения требовались для разработки проекта решения или нормативно-правового акта. Переписка по исполнению запросов МВД представляет интерес, поскольку она характеризует информационно-аналитическую работу местной власти. Эти материалы позволяют исследовать стиль административной деятельности А.Д. Свербеева.

Большой массив социально-хозяйственной информации был обработан губернатором (и его аппаратом) в связи с исполнением циркуляра от 13 августа 1882 г., поступившим из земского отдела МВД [2, Оп.30. Д.71. Л.1-3]. В этом ведомственном запросе губернскому руководству предлагалось изложить своё мнение о причинах переселения крестьян из губернии и целесообразности предоставления льгот переселенцам. В циркуляре требовалось обосновать (или опровергнуть) необходимость издания правового акта, регламентирующего переселение; предложить рекомендации по его составлению. Подготовка ответа на этот запрос сопровождалась длительной «раскачкой» губернского аппарата и заняла более трех месяцев. Поэтому в середине ноября 1882 г. из Министерства внутренних дел было получено уведомление, адресованное самарскому губернатору. В нем сообщалось, что сроки исполнения циркуляра (15 октября) нарушены; это создает «замедление» в работе Особого Совещания при МВД. В этом письме в корректной форме было высказано служебное замечание А.Д. Свербееву за недостаточную исполнительскую оперативность. В течение октября – ноября 1882 г. самарским губернатором были получены от уездных властей (исправников, присутствий по крестьянским делам) отчетно-аналитические документы (доношения и др.), содержавшие «экспертное» заключение по проблеме переселения. Авторы документов единодушно отмечали, что не существует долгосрочных экономических причин для массового переселения крестьян из Самарской губернии. Большинство случаев переселения обусловлены конкретными причинами: неурожай, разорение, раздел имущества, социальный конфликт и т.д. По мнению местных властей, нецелесообразно излишнее материальное стимулирование переселенцев, поскольку это вызовет «необоснованное» движение крестьян из губернии; достаточно ограничиться налоговыми льготами. Спорным вопросом, по которому мнения авторов документов разделились, был порядок землепользования на месте переселения. Большинство из них высказались за традиционную (мирскую) форму владения землей. Вместе с тем была обоснована точка зрения, что более рациональным, способствующим «улучшению» хозяйства, является индивидуальное (хуторского типа) землевладение [2, Ф.3. Оп.30. Д.71. Л.23-24]. По отдельным вопросам, связанным с крестьян-

ким переселением, Министерство внутренних дел вело переписку с местной властью напрямую, минуя аппарат губернатора. Например, статистические материалы о территориальном и демографическом «движении» сельского населения были представлены в земский отдел МВД удельной и переселенческой конторами. В приложениях к письмам – в качестве иллюстрации и «подтверждения» – приводились учетные документы (ведомость). Они содержат статистические данные, характеризующие территориально-поселенческий аспект развития деревни.

Результатом исполнения запроса МВД стал сводный (итоговый) документ, подписанный А.Д. Свербеевым в декабре 1882 г. «Номинация», т.е. вид документа, в нём не определена; можно – с долей условности – обозначить его как «отчет» [2, Ф.3. Оп.30. Д.71. Л.68-75]. Этот документ не был простым «суммированием» доношений, полученных от уездных учреждений. Он был результатом аналитической работы и представлял – в некоторых отношениях – личную точку зрения самарского губернатора. Составителем отчета обоснован тезис о том, что в Самарской губернии более предпочтительным является не переселение, а наделение крестьян землей из фонда казенных или удельных земель. «Благоустройство» крестьян на государственных/удельных землях может быть произведено на условиях долгосрочной аренды или выкупа (за счет ссуды, предоставленной Крестьянским банком). Автор документа не поддержал точку зрения уездных властей о целесообразности предоставления переселенцам налоговых льгот. Сложение с переселенцев налоговых недоимок вызовет «ложное» (необоснованное) стремление к переселению. Поэтому льготы должны быть ограничены облегчением выхода из общества и помощью «в способах передвижения». Рекомендации, предложенные составителем, не ограничены масштабом губернии. Например, в документе предлагается внести изменения в закон об аренде земли, разрешив её на срок более 12 лет [2, Ф.3. Оп.30. Д.71. Л.72]. А.Д. Свербеев не обозначил своей позиции по вопросу о целесообразной форме землевладения крестьян на месте переселения (общинная или «фермерская»). Вместе с тем переписка, предшествовавшая составлению отчета, позволяет заключить, что губернатор придерживался «традиционной» точки зрения о предпочтительности мирской формы землевладения.

В контексте исследования деятельности А.Д. Свербеева, ее содержания и результатов важнейшее значение имеют распорядительные (директивные) документы, изданные им в должности губернатора. В заголовках архивных дел эти документы обобщенно обозначаются как «циркуляры». Вместе с тем это широкая «номенклатура» документов, включающая распоряжения, предписания, предложения, циркуляры и т.д. Распорядительные документы можно разделить на документацию, издаваемую по «принципиальным» и текущим (оперативным) вопросам управленческой деятельности. Граница между ними относительна; тем не менее, к первой категории принято относить постановления, приказы, предписания; ко второй – предложения и распоряжения. Количество распорядительных актов, изданных губернатором, является важным параметром его деятельности. Это показа-

тель интенсивности работы губернатора; он характеризует число ситуаций, потребовавших вмешательства «начальника губернии». В фонде канцелярии самарского губернатора период с 1878 по 1891 гг. представлен 42 делами с циркулярными предписаниями, изданными А.Д. Свербеевым [2, Оп.40. Д.1,15; Оп.42. Д.1; 30. Д.44, 51-56, 60, 63; Оп.32. Д.2, 22; Оп.35. Д.10-12; Оп.36. Д.2, 3, 18-20; Оп.94. Д.1, 2; Оп.89. Д.1; Оп.102. Д.1; и др.]. Кроме того, значительное количество распоряжений (предложений, предписаний и т.д.) содержится в делах с губернаторской перепиской. Поэтому оценить общее количество распорядительных актов, изданных губернатором, можно на основе журналов (реестров) исходящих бумаг. В 1878 – 1883 гг. – первые годы губернаторства А.Д. Свербеева – главой губернии было издано, по нашим подсчетам, не менее 270 распорядительных актов [2, Оп.30. Д.44. Л.2-18 и др.]. Среди них приблизительно равный удельный вес (по 20-25%) имеют циркуляры, изданные по вопросам общественного правопорядка, сбора налогов (платежей, недоимок) и городского благоустройства.

Анализ распорядительных документов показывает, что большинство из них (около 90%) содержат – в преамбуле – ссылки на документы (правовые, директивные) высших органов власти. Они изданы во исполнение входящих документов высших органов власти – Министерства внутренних дел, Сената, Министерства юстиции и т.д. При этом губернаторские циркуляры не содержат, как правило, дополнительных поручений; они ограничиваются сжатым изложением входящего документа, комментариями к нему и назначением сроков исполнения. Характерным (типовым) в этом отношении является циркуляр самарского губернатора от 1 ноября 1882 г. № 5385, направленный в земские управы [2, Оп.30. Д.62. Л.59]. Его изданию предшествовало представление А.Д. Свербеевым отчета в МВД о состоянии посевов в губернии. На основании отчета, свидетельствовавшего о «незначительности» озимого посева, министром было дано распоряжение принять меры к засеву пустующих полей яровым хлебом. Преамбула и распорядительная часть представляют собой сжатое повторение распоряжения министра. Единственным дополнением, сделанным губернатором, является просьба уведомить его о «распоряжениях, которые будут сделаны по означенному предмету», т.е. выбор форм (методов) и сроков исполнения предоставляется исполнителям.

Содержание циркулярных предписаний губернатора показывает, что «начальник губернии» в своей распорядительной функции был, прежде всего, «диспетчером» и контролером поручений (заданий, распоряжений) органов центральной власти. Документы, изданные губернатором в инициативном порядке, составляли небольшую (4-5%) часть распорядительной документации. Эта категория директивных документов, на наш взгляд, представляет наибольший интерес с точки зрения изучения «административного стиля» А.Д. Свербеева. К ним относятся, например, предписания о проведении социальных и «филантропических» мероприятий: о сборе пожертвований в пользу изувеченных воинов, на содержание богадельни и читального зала при Святогорском монастыре, строительство памятника

А.С. Пушкину и др. [2, Оп.28. Д.33; Оп.102. Д.18-20].

Можно заключить, что выявленный в Центральном государственном архиве Самарской области массив источников, посвященных губернскому управлению, характеризуется системностью. Он позволяет исследовать губернаторскую власть с различных «ракурсов»: материальное обеспечение, функциональность, должностной и персональный состав, организационно-штатная структура и т.д. Единственным комплексом документации, отмеченным низкой сохранностью, являются губернаторские отчеты. А.Д. Свербеевым за годы губернаторства было составлено 12 отчетов; только 5 из них (за 1878 г., 1884 г., 1886 г., 1889 г. и 1890 г.) представлены в фондах ЦГАСО [2, Оп.164. Д.69; Оп.175. Д.73; Оп.171. Д.61; Оп.173. Д.124; Оп.233. Д.945].

Делопроизводственная документация, ввиду массовости и разнородности, имеет высокую информативность. Тем не менее, необходимо учитывать содержательную ограниченность этой категории источников. Она лишь в минимальной степени раскрывает личностный (субъективный) аспект государственного управления, например, личные и деловые качества чиновников, неформальные связи в управленческой среде, мотивацию управленческих решений и т.д. С другой стороны, делопроизводственная документация включает группу документов, которая в значительной мере лишена этого недостатка. Это служебная переписка; она является наименее «официозным» видом документации. По своим информационным свойствам переписка примыкает к документам личного происхождения. Она регламентирована (унифицирована) в меньшей степени, чем другие служебные документы. Ее содержание и стиль характеризуются более высоким уровнем индивидуализации, эмоциональной экспрессии. В системе управления письма были основным носителем информации. Материалы переписки позволяют судить об информационной основе решений, принятых губернатором. Канцелярия губернатора в 1879 г. и 1880 г. зарегистрировала соответственно 126 и 154 исходящих письма за подписью губернатора А.Д. Свербеева [2, Оп.28. Д.33б. Л.1-25]. Большинство писем не были инициативными; они были составлены в порядке исполнения заданий (поручений), либо в качестве ответа на входящее письмо. Определить точное число писем невозможно ввиду несовершенства делопроизводственного учета. Заметим, что письма (сообщения) выявлены в большинстве единиц хранения, в том числе в делах с финансово-хозяйственной, кадровой и др. документацией. Служебная переписка позволяет с большой точностью и детализацией описать управленческий процесс. Она позволяет, в отличие от других делопроизводственных документов, в какой-то мере осуществить интроспекцию, т.е. судить о мотивах управленческой деятельности. Информационный потенциал личной и деловой переписки в исследованиях по истории власти реализован далеко не полностью.

Библиографический список

1. Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1798 – 1917 гг.): исторический опыт и уроки: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. С. 84.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.3.
3. ЦГАСО. Ф.170.
4. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг. Очерки истории: коллективная монография / П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская, В.В. Рябов [и др.]; под ред. П.С. Кабытова. Самара: «Самарский университет», 2014.

Andrey Myakotin

**GOVERNOR'S AUTHORITY DURING THE RULE
OF ALEXANDER D. SVERBEEV:
THE SURVEY OF THE ARCHIVAL SOURCES**

The article is devoted to the source basis for retrospective study of the governor's authority. The author presents analysis of the documents from Samara state archive left from the period of the governorship by Alexander D. Sverbeev (1878 - 1891). He characterizes the specific structure of public records, their safety, the authenticity of their information content.

Keywords: Alexander D. Sverbeev, Samara governor, provincial administration, office of the governor, public records, critics of source material, systems of documentation.

СТАТЬИ

УДК 94(47).05

В.В. Заплетин ***«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО» В. ЗОРИНА:
ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ МИФА О СРЕЛЬЦАХ**

В статье исследуется и идентифицируется документ восставших в 1698 г. московских стрельцов – «черная челобитная Петру I» В. Зорина в контексте проблемы создания мифа о стрельцах.

Ключевые слова: восстание стрельцов 1698 г., «черная челобитная Петру I», формуляр, «открытое письмо», идеологический миф, слухи

В статье автор ставит цель – выявить причинно-следственные связи событий, обусловивших появление одного из наиболее важных документов восставших в стрелецком бунте 1698 г. – «черной челобитной Петру I». Документ был изъят 18 июня накануне сражения под Воскресенским монастырем у десятичника полка Ф.А. Колзакова Василия Зорина вместе с одним из списков письма четырех полков с жалобами на тяжесть службы без адреса.

После поражения восстания начался жестокий розыск. В документах розыска 1698-1700 гг. [1, с.363-414; 2] отразились приметы сложного процесса социальной дифференциации, неоднозначность настроений и различие идейных установок и политических целей стрельцов.

Наиболее активными «завотчиками» бунта явились рядовые и десятичники стрелецких полков. В их намерения входило, как следует из Докладной записки (датирована после 1 июля 1698 г.), по приходу к Москве бить бояр «до смерти», поднимать стрельцов в Белгороде, Азове, Серпухове, Туле и иных городах, чтобы те шли к Москве на помощь (признания Васки Тумы, Бориски Проскурякова, Ларки Шелудяка и еще нескольких десятков человек) [2, с.58].

На допросе 19 сентября 1698 г. десятичник полка Т.Х. Гундертмарка С. Иванов покажет, что его поневолили «первые беглецы» идти общим ходом на Москву, и сделает при этом важный проговор: «И пятисотной Оксенко Фе-

---

* © Заплетин В.В., 2016

Заплетин Владимир Владимирович, магистрант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, v.zapletin@yandex.ru.

октистов говорил им, беглецам, чтоб итти на указные места, а к Москве не ходить. И они де, беглецы, скололи было ево копья и говорили: "Али де захотел ты во дьяки, что к Москве идти не хочешь?"» [2, с.120]. С. Иванов подтвердит, что «челобитную де, какова подана в Воскресенском монастыре, писал Чюбарова полку стрелец Артюшка Маслов, а о чем писана и с кем думали, того не ведает» [2, с.120]. На допросе стрельца полка Ф.А. Колзакова И. Корнилова выясняется характерная деталь поведения другого пятисотного: «А под Воскресенским де в обозе велел молебен пять пресвятей богородице пятисотной Ивашко Клюкин о избавлении междоусобные брани, видя страх над собою многолюдство московских полков» [2, с.121].

Итак, в начавшемся восстании настроения и намерения стрельцов были различны, далеко не многие вольные и подневольные участники бунта знали содержание составленных документов, а часть стрельцов, особенно среди начальных людей (пятисотные О. Феокистов, И. Клюкин и др.), вообще не имела намерения бунтовать. Начальных людей отличало выгодное служебное положение, относительный достаток, перспектива выдвигнуться в полковники, стольники, дьяки и пр. Так, именно о корысти служебной и попеняли рядовые стрельцы пятисотному О. Феокистову [2, с.120]. Весьма заметная социальная дифференциация стрелецкого войска в немалой степени определяла характер поведения и установки как отдельных стрельцов, так и их различных групп.

Попытаемся найти ответ на вопрос: почему восставшими были составлены, по меньшей мере, два различных документа?

Из расспросных и пыточных речей допрашиваемых, а также по признанию самого пятисотного полка А.А. Чубарова А. Маслова установлено, что письмо четырех полков без адресата было писано именно им, «с совету всех четырех полков стрельцов», а «к Москве де пошел он неволею...» [2, с.85]. В Докладной записке приводятся слова А. Маслова: «то де письмо писано, и складывали, и смотрили с опщаго совета всех полков пятисотных», одновременно приводятся подтверждения Ивашки Клюкина: «то де письмо у них у всех пятисотных, и у пятидесятников, и у десятников с общего совету» [2, с.65]. В вопросе об адресате письма обнаруживается версия передачи письма боярину Шеину. На допросе сотенный полка И.И. Черного М. Бурнашов от 20 сентября 1698 г. укажет: «А то де письмо писал.. стрелец Артюшка Маслов.. И они де, выслушав письма, всеми четырьмя полки сказали, чтоб то письмо к нему, боярину Алексею Семеновичу, послать...» [2, с.89].

В письме стрельцов четырех полков стольников и полковников А.А. Чубарова, Ф.А. Колзакова, И.И. Черного, Т.Х. Гундертмарка подробно излагаются трудности службы под Азовом, делаются ссылки на твердое следование стрельцов воле государя, приказам бояр и воевод, крайне плохое продовольственное и материальное обеспечение, вынужденные «скитания в мир» и кормление «именем Христовым», жестокие наказания стрельцов начальными людьми. Тяжестью своего положения стрельцы объясняют нарушение ими приказа идти на Белую, Вязьму, в Ржеву Володимерову и До-

рогобуж из Торопца. Приводят стрельцы в качестве важного аргумента своего слушания и якобы имевший место приказ М.Г. Ромодановского разружить стрелецкие полки, самих же стрельцов порубить. Страшась, стрельцы решили идти к Москве «не для московского разоренья или какова смертнаго убивства, и междуусобия, и бунту, чтоб нам напрасно смертию не помереть... А как позовет какой воинской случай неприятельских людей, а в.г. указ состоитца, чтоб нам быть на его в.г. службе, где в.г. укажет, и мы со усердием служить и работать ради» [2, с.42]. Отметим, в письме нет обвинений в адрес конкретных лиц, кроме М.Г. Ромодановского. Стрельцы винятся в нарушении приказа, ни о чем прямо не просят, кроме как побывать на Москве, и подтверждают свою готовность впредь следовать указам государя и верно ему служить. В письме отсутствует челобитье, и оно совершенно определенно не является призывом к бунту. Вероятно, письмо явилось элементом тактики восставших, не желавших ранее срока заявлять о своих намерениях и планах. Оно предназначалось стрельцам, идущим к Москве, в целях не допустить «шатание» в полках и становилось логичным объяснением своеволия стрельцов для слуг государевых, скорых встреч с которыми следовало ожидать.

Соотнесем письмо четырех полков с более ранним документом – «черной челобитной Петру I» десятника В. Зорина, датированным в документах розыска около 12 июня. Попытаемся выяснить: как появилась «черная челобитная»; в чем ее отличие и чем она является по форме.

Предположим, что специфичность положения в стрелецком войске десятника В. Зорина и пятисотного А. Маслова, особенности судебных, намерений и целей в восстании предопределили своеобразие составленных ими документов. На допросе 18 июня В. Зорин показал, что «черную челобитную писали они не докончав за проходом своим...» [2, с.45] для того, чтобы прочесть «в народе в большом полку для того, чтоб было умирения, а кровопролития б не было» [2, с.45]. О том, что автором «черной челобитной» был В. Зорин, свидетельствовал сотенный полка Ф.А. Колзакова Л.Г. Рыбников [2, с.46]. Пятидесятник полка А.А. Чубарова Я. Алексеев также подтвердил, что В. Зорин показывал ему «черную челобитную» и он, Якушка, усмотрел в ней призыв к бунту и разорению и, не дочитав ее, отдал Ваське, сказав, что «писана не делом» [2, с.47]. На допросе от 24 июня В. Зорин признает, что «челобитную велели ему писать Калзакову полку, не определяя какую, толко велели объявить ему службы и нужды, а окончать виною. А он де сверх того в той челобитной прибавочные слова прибавил собою, а не всем полком» [2, с.49]. Таким образом, «черную челобитную» В. Зорина стрельцы воспринимали не иначе, как призыв к бунту. По свидетельству Зорина, о содержании «челобитной» знали десятник В. Игнатъев, пятидесятник А. Сидоров, пятидесятник Я. Алексеев, А. Маслов, И. Клюкин. «А Артюшка Маслов, Ивашко Клюкин говорили, чтоб тое челобитную отставить, а пришед к Москве, тое челобитную подать бы в.г. или великому государю царевичу и государыням девицам» [2, с.49]. Напомним, в «черной челобитной Петру I» В. Зорин, помимо перечисления трудностей службы

и тягот походных, указывает, что ведают стрельцы, будто идут к Москве немцы и будет вместе с брадобритием и табаком «всесовершенное благочестию испровержение», обвиняет Франца Лефорта в том, что учиняет благочестию испровержение и стремится уничтожить чин стрелецкий, а также объявляет о готовности стрельцов, как и ранее, «во сто девяностом году», о благочестии непременно служить [2, с.39-40]. Особое назначение «черной челобитной» В. Зорин признает сам: «...тое де челобитную писал он, Васка, ...ни с кем не согласясь для того, с щем бы им было на Москве появитца. И когда бы полки сошлись к Москве, и тогда бы ту челобитную объявить в народе, и просить Франца Лефорта ко убиению за непотребные ево дела, которые в челобитной ево написаны.. А бояр чтоб побить, того у него и в мыслях не было, разве б то учинилось, когда те стрелецкие полки пришли к Москве» [2, с.52]. В сентябре на очной ставке стрельца В. Игнатъева и В. Зорина будет установлено, что по дороге между Торопцом и Ржевою В. Зорин, В. Игнатъев, А. Сидоров, И. Волосатой «вышеписанную челобитную чли и говорили, чтоб им всеми четырьмя полки притить к Москве и стать на Девичье поле, бить челом царевне Софии Алексеевне, чтоб она вступилась в правительство, и естли она, царевна, их не примет и в правительство не вступит, и им было итить к Москве в дома свои, и с той челобитной, написав розные челобитные, послать во все слободы для возмущения к бунту» [2, с.71]. В планы восставших входило возмутить чернь, разорить Немецкую слободу, побить бояр, виновных в разных «бедах» стрельцов, и «жить было им в Москве. А в правительстве естли бы де царевна не вступила, обрать государя царевича потому, что будто великого государя не стало» [2, с.72]. Стрелец А. Сидоров [2, с.73] признает, что об этих планах ведали стрельцы всех четырех полков. Следовательно, «черной челобитной» предназначалась роль документа, призывающего к бунту.

Отметим существенный факт: составитель «черной челобитной» десятник В. Зорин в недавнем прошлом был пятисотным. Об этом свидетельствует И. Ключкин на допросе, указывая, будто не ведал про «бунтовую челобитную составу Васки Зорина.. потому что с Ваской Зориным в побраение, зато велено ему, Ивашку, быть в пятисотных на ево, Васкино место. И он де, Васка, на него рнился» [2, с.86]. Из документов розыска следует, что более других горячились в спорах и вынашивали мысль о смене правительства [2, с.71] «завотчики» «Васка Тума и Бориска Проскуряков с товарищи», десятник В. Зорин, пятидесятники В. Игнатъев и А. Сидоров, рядовой стрелец Б. Федоров и др. При этом людей начальных отличала весьма осмотрительная позиция: пятисотные А. Маслов, И. Ключкин, О. Феоктистов [2, с.88] и др. ведали о планах прийти к Москве и звать Софью в правительство, вероятно, втайне того желали, но осторожничали. Напомним, письмо четырех полков, составленное А. Масловым с общего совета и согласия сотенных и пятисотенных, имело иной, повинный характер. У Зорина же был личный интерес пойти на риск: при удачном стечении обстоятельств он мог, по опыту прошлых «бунташных» лет, вернуть утраченное. Поэтому и возникли у десятника особые претензии к Францу Лефорту: во время Азов-

ской кампании за приступ под Азовом посулено было Лефортом «по десяти рублей человеку рядовому, а кто послужит, тому повышение чином чести... тех денег и чинов не дано ево ж Францевым промыслом». В. Зорин признает: «И те де все статьи, которые в той челобитной на него, генерала Франца, писал, затевая ж собою, для возмущению к бунту» [2, с.70]. Успех восстания мог означать для Зорина взлет по лестнице служебной карьеры подобно тому, как в 1682 г. Софья за верность и поддержку в смуте «первого выборного Стременного приказу пятисотного Никифора Силина велела пометить в дьяки, да боярина пятисотного велела пометить в дьяки же...» [5, с.146]. Привлекательным было и «хождение во власть» из стрелецких голов стольника А.С. Матвеева, К.П. Нарышкина, боярина кн. И.А. Хованского, сына стрелецкого сотника Григория Отрепьева [7, с.28-32]. Стрелецкая служба рассматривалась многими как возможность подняться в социальной иерархии, обрести богатство и почести. Полагаем, именно по этой причине десятник В. Зорин примерял на себя роль идеолога бунта, затевая свою «черную челобитную». Уясним, чем же на самом деле являлся этот документ.

Предприняв ранее сравнительный анализ [4], полагаем, что по формуляру документ синкретичен: в «начальном протоколе» имеется косвенное намерение челобитья, оборот «челом бьем» заменен на «многоскорбне и великими слезами»; в «основной части» – наррации нет прошения (челобитья, просьбы); в «конечном протоколе» – аппрекации отсутствует характерный речевой оборот челобитных «смилуйтесь», «пожалуйте». Завершение же документа – «Аминь» [2, с.39] наводит на мысль о том, что перед нами исторический документ, формально обращенный к государю, но в большей степени к народу христианскому. В тексте имеется идеологический подтекст: борьбы за веру христианскую в противовес «благочестию испровержения». В «бунтовой челобитной» присутствуют характерные признаки формуляра письма: в «начальном протоколе» – инскрипция и интитуляция; в «основной части» приводится подробное изложение обстоятельств дела; отсутствует datum (место и время), в качестве заключения – благопожелания использовано «Аминь», при этом нет удостоверительной части (субскрипции и сигнатуры). Полагаем, есть основания отнести «черную челобитную» к разряду «открытых писем». Здесь мы исходим из трактовки «открытого письма» Я.С. Лурье в анализе переписки Ивана Грозного с Курбским [6, с.224]. В «основной части» «черновой челобитной Петру I» Зорина присутствуют преамбула, публичное объявление-промульгация «о благочестии непременно служим». Логический анализ текста позволяет прийти к выводу о том, что документ адресован широкому кругу лиц «через голову» формально указанного адресата, который косвенно обличается, но без реального намерения и возможности воздействовать на адресата и (или) вести с ним беседу.

Итак, В. Зорин пишет «открытое письмо», которому предназначает роль манифеста восставших, в круге которых стрельцы должны выступить ведущей силой. Для придания идеологической привлекательности начавше-

муся бунту и обоснования особой роли стрельцов Зорин прибегает к фальсификациям и мифотворчеству. Так, обращаясь к событиям 1682 г., он намеренно искажает суть «общественного договора», пытается утвердить за стрельцами роль хранителей веры и благочестия, подменяя истинный смысл и причины прощения стрельцов царствующим домом в ноябре-декабре 1682 г. На допросе 18 июня В. Зорин ссылается на Царские жалованные грамоты [2, с.43]. Однако, обратившись к содержанию этих грамот, мы находим иное: даруется стрельцам прощение «великих и тяжких вин», пощада и «от смерти свобода», а также право «служити и прямити и всякого добра хотети, и нашего государского здаровья оберегать, и нашия государския богом дарованные чести опасать со всякою верностию по своему обещанию, как они обещались пред святым христовым евангелием, без всякие измены и шатости...» [3, с.200]. Зорин умышленно долг стрельцов «государския богом дарованные чести опасать со всякою верностию» подменяет самовольно присвоенным правом «благочестию непременно служить» [2, с.39]. «Служение благочестию» В. Зорин трактует как сохранение истинной в народном понимании христианской веры и необходимость чинить препятствия иноземным немецким обычаям [2, с.49]. Эта подмена нужна Зорину для обоснования особой роли стрелецкого воинства. Не менее характерным является и тот фрагмент «бунтовой челобитной», где В. Зорин указывает: «Служили мы, холопи твои, и прежде нас прародители, и деды, и отцы наши, вам, великим государем, во всякий обакновенной христианской вере и обещались до кончины жизни нашей благочестие храните, яко же содержит святая апостольская церковь» [2, с.39]. Создавая мифологему «стрельцы – хранители благочестия», В. Зорин подменяет истинный смысл царского наказа стрельцам: «... и быти им в нашем государском повелении и во всяком обыклом повиновении и послушании со всяким усердным покорением и чистым намерением...» [3, с.200].

Для смущения народа В. Зорин умело использует технологию слухов. Напомним, важным объяснением ослушания приказа стрельцами явилась ссылка на то, что М.Г. Ромодановский «велел рубить» [2, с.40] стрелецкие полки. На допросе от 18 июня В. Зорин покажет, что слух этот стал ему ведом «от своей братаи стрельцов Афанасьева полку Чубарова от сотенного от Артюшки Маслова и от иных...» [2, с.45]. В ходе розыска выяснится, что слух этот распространил стрелец Гордюшко Иванов, за что и был «казнен смертию» [2, с.65-66]. В «черной челобитной» использован слух о том, что в «Московском государстве чинитца великое страхование, и от того города затворяют... и всему московскому народу чинитца наглость» [2, с.40]. Этот слух принес дьячок села Клушина [2, с.158-159]. Третий слух: «что идут к Москве немцы и то, знатно, последуя брадобритию и табаку, всесовершенное благочестию испровержение» [2, с.40], В. Зорин придумал сам [2, с.49-50], завершая пугающую картину народных бед, спасителем от коих должны были стать стрельцы, подняв и возглавив чернь в Москве и окрестных городах.

Подводя итог, отметим: анализ «черной челобитной Петру I» показывает усиление в стрелецкой среде в конце XVII в. процесса социальной диф-

ференциации с присущим ему своеобразием формирующихся частных и узкогрупповых интересов. Рядовые, десятники и пятидесятники несли на себе главные тяготы «цивилизационного пути России», их протесты зачастую имели неосознанный антифеодальный характер – «против угнетателей и угнетения». Вместе с тем среди стрельцов уже обозначилось стремление к политическому оформлению движения с использованием классических элементов политико-идеологического противостояния: «открытых писем»; фальсификаций; мифотворчества; использовалась технология слухов. Для начальных людей существенную угрозу представляли реформы Петра. Они занимали умеренные позиции, скрытно выступали с антипетровских позиций, но при удачном стечении обстоятельств готовы были поддержать дворцовые перевороты и правителей, признающих неизбежность «старых» порядков, а значит, и сохранение стрелецкого войска в составе Московского государства.

Библиографический список

1. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
2. Восстание московских стрельцов 1698 г. (Материалы следственного дела). Сборник докум. / [сост. А.Н. Казакевич, под ред. В.И. Буганова]. М., 1980.
3. Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976.
4. Заплетин В.В. Следственный процесс над московскими стрельцами в 1698 году: проблема анализа стрелецкой «челобитной» В.А. Зорина // Платоновские чтения: материалы и доклады XXI Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 4-5 декабря 2015 г.) /отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2015.
5. История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые К. Тихонравовым. Т. 5. М., 1863.
6. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/ [под. ред. Д.С. Лихачева]. М., 1993.
7. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.

Vladimir Zapletin

**“OPEN LETTER” BY VASSILIIY ZORIN:
THE PROBLEM OF CREATION OF THE MYTH ABOUT STRELTSY**

The article is devoted to attribution of the program document of the Moscow Streltsy uprising of 1698: «the black petition to Peter I» which was written by Vassiliy Zorin. The author analyzes the document in the context of the problem of creation of the historical myth around the Streltsy.

Keywords: Streltsy uprising of 1698, «black petition to Peter I», standart form, «open letter», ideological myth, rumors

САМАРА ПО ОПИСИ НИЗОВЫХ ГОРОДОВ 1701–1704 ГГ.

В статье на основе архивных и опубликованных материалов рассмотрены градостроительные особенности Самары на рубеже XVII–XVIII вв. Внесены коррективы в традиционные суждения о расположении и конфигурации ее оборонительных сооружений.

Ключевые слова: Самара, опись низовых городов, кремль, острог, западноевропейские путешественники

Уникальным сводным источником о состоянии оборонительных сооружений Юго-Востока европейской России является опись низовых городов 1701–1704 гг. (далее Опись). Она хранится в фонде Оружейной палаты Российского государственного архива древних актов и содержит подробные сведения об укреплениях низовых городов, городском «наряде» – артиллерии и огнестрельном оружии, их техническом состоянии [12, л. 6–172].

История возникновения этого документа представляется следующей. По указу от 28 марта 1701 г. в приказ Казанского Дворца, его главе князю Б.А. Голицыну было велено расписать: «А каковы низовые каменные и земляные и деревянные города строением и мерою и что в тех городех налицо пушек и зелья и свинцу и всяких военных припасов». Но выяснилось, что «...тому ведомости и чертежи в вышеписанной пожар в приказе Казанского Дворца сгорели». Руководство приказа начало собирать с подведомственных ему городов новые сведения. Городовые воеводы должны были срочно прислать материалы с описанием «... низовых городов строения и военных припасов» [12, л.5об.].

Итоговый документ, полученный в результате сведения всех этих данных в единую Опись, постоянно используется историками. На него часто ссылаются, публикуют отдельные фрагменты [8; 9], в том числе и по Самаре [7]. Работавший с Описью М.С. Полубояров разместил ее на своем сайте [11].

Значимость Описи и ряда других сводных материалов этого времени для изучения территорий, подведомственных приказу Казанского Дворца, труд-

---

* © Дубман Э.Л., 2016

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор, кафедра Российской истории. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, dubmane@mail.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Служилые люди Южного Средневожья в XVII – начале XVIII в.», № 15-11-63001 а(р).

но переоценить. Именно, в начале XVIII в. правительство смогло собрать совокупность сведений, позволившую достаточно полно представить состояние оборонительных сооружений, вооружения и гарнизонов области низовых городов.

Сверка текста, подготовленного М.С. Полубояровым, и архивного дела в РГАДА позволила нам внести небольшие исправления, позволяющие более точно прочесть документ. Для данной публикации было выбрано описание состояния оборонительных сооружений по Самаре. До середины XVII в. этот город являлся основным перевалочным пунктом для волжского пути между Казанью и Астраханью. Во второй половине столетия Самара, хотя и начала отставать от ряда близлежащих городов – Симбирска и Саратова, все равно играла важную роль в военной, экономической и социальной жизни всего Юго-Востока Европейской России.

Приведенная ниже публикация текста Описи, содержащего сведения об оборонительных сооружениях Самары, позволяет более ясно представить ее градостроительные особенности на рубеже XVII-XVIII вв.

«Город рубленой, сосновой, крыт тесом, по нем было 8 башен, в том числе с проезжими ворота 4 башни.

И в прошлом 198-м году (1690 – Э.Д.), августа в 6 день в пожарное время тот город и башни и круг посаду острог и по острогу 5 башен згорели. А после того пожару на посаде осталось по острогу 3 башни, одна с проезжими ворота, а вновь построено было по тем же местам город и острог.

И в прошлом 208-м году (1700 – Э.Д.) августа в ... день в другое пожарное время острог да 4 башни згорели ж, а в остатке ныне острогу 94 сажени. Да поставленного острогу круг посаду от степи 709 сажен.

А по тому острогу ныне в остатке 6 башен. А мерою того всего городового места, где был рубленой город, 295 сажен.

А около посаду, где бывал острог, и что ныне в остатке, острогу 716 сажен, а опроче того вышеписаного на прежнем городовом месте, иного никакова строения нет.

Да от городового острогу в 88 сажнях к степи надолобы от Самары реки, от боярака к Волге реке до боярака ж 442 сажени.

Да по тем надолобам 2 башни сосновые с проезжими ворота, и те надолобы и башни погнили и розвалились. И от тех надолоб в версте, в степи старые надолобы ж. А по смете тех надолоб от Самары ж реки к Волге версты на полторы, а по тем надолобам 4 башни сосновые ж; и башни и надолобы погнили ж и розвалились...» [12, л.51-52об.].

***

Отметим, что описание укреплений Самары, по сравнению с характеристиками ряда других низовых городов, является очень кратким. Видимо, это было связано с двумя пожарами, случившимися в 1690-х гг., буквально накануне составления Описи. Но и приведенные сведения дают новый значимый материал, по сравнению с предшествующими источниками, для характеристики самого деревянного кремля. Вновь, как в новом списке тек-

ста гостя Ф. Котова, обнаруженном и опубликованном Н.М. Петровским, повторяется, что это был «рубленный город» [10, с.291-292]. Отметим, что ряд исследователей высказывают определенные сомнения по поводу данной версии записок Котова. Таким образом, на протяжении всей истории кремля, от возникновения Самары и до 1703 г., когда он окончательно сгорел, стены кремля были «рублеными». К сожалению, мы не можем однозначно говорить о числе кремлевских башен на протяжении всей начальной истории города. Но в последние десятилетия XVII в. (как это следует из Описи) их насчитывалось 8, что для близкой к квадрату конфигурации кремля было совершенно нормальным явлением. Из этих 8 башен 4 были проезжими. Периметр рубленого города насчитывал 295 сажен (при сажени в 2,16 м, примерно 637 м). Исходя из того, что стены детинца образовывали неправильный, близкий к квадрату, прямоугольник, средняя протяженность каждой из них составляла 160 м, а площадь всего кремля – около 2,5 гектаров. Для типового города конца XVI-XVII вв. южного и юго-восточного пограничья России такие размеры были вполне обычными.

Основным материалом для строительства была сосна. Крыши башен и рубленых стен (очевидно, в виде двухрядной рубленой стены – тарас или городней) были крыты тесом.

В Описи кратко изложена история укреплений Самары с 1690 по 1703 гг. Так, в 1690 г. (6 августа по старому стилю) «... тот город, и башни, и круг посаду острог, и по острогу 5 башен згорели». После пожара «... на посаде осталось по острогу 3 башни, одна с проезжими ворота». Таким образом, накануне пожара в остроге «круг посаду» было 8 башен. Но вскоре город был практически полностью восстановлен: «... вновь построено было по тем же местам город и острог». Еще в один пожар 1700 г. (видимо, также в августе) самарский посад вновь горел: «... в остатке ныне острогу 94 сажени». И завершает описание самарских пожаров и постоянных восстановительных работ очень любопытная фраза: «Да поставленного острогу круг посаду от степи 709 сажен. А по тому острогу ныне в остатке 6 башен». Создается впечатление, что после пожара 1703 г. острожные укрепления были почти полностью восстановлены. При этом очевидно, что «от степи» острог «круг посаду» протяженностью 709 сажен (более 1530 м) должен был защищать пространство от «рубленого города» (или, возможно, от берега Самары) до Волги, перекрывая подходы к городскому пространству с востока и севера из междуречья Самары и Сока. Следовательно, в конце XVII в. острожные укрепления должны были иметь конфигурацию, близкую к той, которая указана на плане 1733 г. и в сметных росписях самарских воевод этого же времени [14, л.76; 13, л.853-872, 873-897]. О такой градостроительной конфигурации свидетельствуют также рисунок и описание Самары К. де Бруина (Брейн, Корнелис, де), сделанные в мае 1703 г., накануне пожара, уничтожившего рубленный город: «В два часа по полудни прибыли мы к городу Самаре (Samara), лежащему на левой стороне, вдоль реки, на восток, на склоне и вершине горы, невысокой и безлесной, заканчивающейся, вместе с городом, на берегу, как это можно видеть на изображе-

нии ч. 27, а не так, как описывают город другие, помещая его в 2-х верстах от берега. В конце города виднеется река С а м а р а (Samar), от которой город берет свое имя. Говорят, что река эта впадает в Волгу в 5, или 6-ти, верстах отсюда. Этот город довольно обширен, весь деревянный и домишки в нем плохие. Стены, снабженные башнями, тоже деревянные и со стороны суши довольно велики. Город занимает почти всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега. Считают, что от Казани Самара отстоит в 350 верстах. Когда плывешь мимо города, видишь городские ворота, множество небольших церквей и несколько монастырей» [3, л.173].

В описании Бруина, который, видимо, как и другие западные путешественники по Волге, пользовался книгой Олеария, есть несколько любопытных деталей. Например, он пишет, что застройка Самары захватывала вершину горы, т.е. хребет водораздела между Волгой и Самарой, и спускалась до самого волжского берега. Путешественник явно преувеличивает количество храмов (вместе с Троицким собором в городе были 2 приходские и 2 монастырские церкви). При этом он ничего не говорит о каменных храмах. Скорее всего, слова о стенах, «снабженных башнями», и городских воротах относятся и к кремлю, и к острожным укреплениям, выходящим к Волге. По рисунку крайне сложно судить об укреплениях, защищающих посад и слободы, но, скорее всего, острожная стена с башнями проходила по «горе» и защищала только восточные и северные окраины Самары, а затем спускалась к Волге. Бруин не увидел башен и стен острога, прикрывающих городские кварталы со стороны Волги. Видимо, их уже не существовало. Отметим, что художник дает зарисовку городской застройки с судна, шедшего вниз по Волге. Поэтому южная, примыкающая к берегу р. Самары, часть города дается неявственно, как бы в дальней перспективе [1]. И наконец, Бруин видел Самару в мае, в половодье (когда вода подошла вплотную к городской застройке), в отличие от Олеария, наблюдавшего город в начале осени, в межень – время низкой воды.

На наш взгляд, характеристика укреплений Самары, приведенная в Описи, вкуче с рисунком и описанием Бруина, показывает градостроительный облик города не только для начала XVIII, но и для конца XVII в. Защищать город необходимо было прежде всего с востока, в междуречье Волги и Самары. Там и были построены к 1706 г. «земляная крепость», продолжающие ее укрепления острога, и на дальних подступах к Самаре – пригород Алексеевск.

Вопрос о конфигурации укреплений вокруг посада и слобод Самары, существовавших в конце XVII – начале XVIII в., вызывает споры. Широко используемая реконструкция Е.Ф. Гурьянова в настоящее время подвергается серьезной критике, и одним из главных ее оппонентов стал В.Ю. Иевлев [6].

Более определенно вырисовываются только конфигурация и размеры рубленого кремля. Но положение его как основы всей системы городских укреплений рубежа XVII–XVIII вв. представляется, на наш взгляд, несколько иным, чем у Е.Ф. Гурьянова, А.К. Ширманова и серьезно модернизирую-

щего их схему В.Ю. Иевлева. По мнению Гурьянова, восточная стена кремля являлась центральной частью восточной стены острога [5, с.59]. Но это противоречит застройке центра города (расположению административно-военных и церковных зданий и помещений), каковой она представляется по данным XVIII – начала XIX в. Так, в пространство рубленого кремля (по Гурьянову) никак не встраивается Троицкий собор [4, с.98].

Вряд ли можно согласиться и с выводом В.Ю. Иевлева, что к востоку от «рубленой» стены кремля располагалось пространство, заполненное посадскими дворами, а затем шла еще одна острожная стена, защищающая их [6].

На наш взгляд, «рубленный» кремль занимал угловое юго-восточное положение в системе оборонительного комплекса «кремль-острог» всего города. Его южная рубленая стена примыкала к высокому берегу Самары, а восточная переходила в систему острожных укреплений, защищавших все Самаро-Волжское междуречье. Потом, в начале XVIII в., этот принцип был воспроизведен при создании земляной крепости и продолжающей ее системы укреплений.

О том, что в реконструкции В.Ю. Иевлевым всей системы кремль-острог есть моменты, возможно, отражающие реалии конца XVI – середины XVII в., свидетельствует рисунок Самары А. Олеария из более позднего издания его книги [2, с.429-430]. Но попытки Иевлева на основе текста Описи предложить для данного периода замкнутую систему укреплений, защищавшую всю застроенную территорию города, выглядят неубедительно. Очевидно, что предлагаемая им конфигурация не соотносится ни с рисунком Бруина 1703 г., ни с описаниями, планами и рисунками Самары конца 1720-х – середины 1730-х гг.

Очевидно, фраза из Описи «да поставленного острогу круг посаду от степи 709 сажен...» свидетельствует, что острог вместе с восточной стеной рубленого кремля практически повторял контуры укреплений более позднего времени и прикрывал все пространство от р. Самары до Волги «от степи». Никакого нового «замкнутого пространства», по Иевлеву, он не создавал. Волжский берег, выше «поемных мест», был настолько плотно застроен, что создавать там новую прибрежную систему укреплений не имело никакого смысла. Во второй половине XVII в. город, наоборот, тянулся к реке, осваивая пространства прибрежной части, той, которой не угрожало волжское половодье. Он не стремился отгородиться от нее новыми стенами. К тому же численность населения Самары в середине XVII в. была едва ли не такой же, как в начале XVIII в. Для его размещения нужно было отнюдь не меньшее пространство.

На наш взгляд, не до конца обоснованными выглядят также рассуждения В.Ю. Иевлева, касающиеся топологии центра Самары и этимологии происхождения названий городских башен. Выводы В.В. Седова, касающиеся прежде всего городов Древней Руси, которые использует Иевлев, несомненно, интересны. Однако распространять их без каких-либо ограничений на новые военно-административные центры Московского государства конца XVI–XVII вв. нам представляется не совсем корректным [15, с.544-574].

Библиографический список

1. Bruin C. De. Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Amsterdam, 1718. Vol. 1.
2. Olearius A. Voyages tres-curieux et tres-renommez faits en Moscovie, Tartarie et Perse. Amsterdam, 1727.
3. Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873.
4. Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков / под общей ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994.
5. Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары. Очерки истории градостроительства. 2-е изд., перераб. и доп. Куйбышев: Куйбыш. кн. изд-во, 1986.
6. Иевлев В.Ю. Топография крепости Самара 1586—1706 гг., этимология и предшествующие упоминания топонима в письменных источниках (доклад на Межрегиональной научно-практической конференции «Четвертые Гротовские чтения», 22 октября 2015 г., Самара). https://www.academia.edu/18155990/Топография_крепости_Самара_1586-1706_гг._этимология_и_предшествующие_упоминания_топонима_в_письменных_источниках_Topoography_of_the_Samara_fortress_ethymology_and_preceding_mentioning_of_the_toponym_in_the_written_sources
7. История Самары (1586-1917 гг.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Самарский гос. университет, 2015.
8. Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII-XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 91-101.
9. Мустафина Д.А. Крепостные сооружения в городах Казанского края в конце XVII в. // Эхо веков. 2006. № 2 (45). С.28-43.
10. Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А. Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС). 1910. Т. 15. Кн. 4. С. 287-299.
11. Полубояров М.С. Опись низовых городов 1701–1704 годов // http://suslony.ru/hist_librs/Opis_gorodov/opis_text.htm
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 3. Д. 53.
13. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Д.Р. городов. Д. 66.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 19026.
15. Седов В.В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: «Индрик», 2009. С.544-584.

Edward Dubman

**SAMARA IN «THE INVENTORY
OF THE TOWNS AT THE LOW VOLGA», 1701-1704**

The article describes the features of town planning of Samara at the turn of XVII-XVIII centuries on the basis of archival and published materials. The author makes adjustments to some traditional opinions about the location of the town and configuration of its fortifications.

Keywords: Samara, the inventory of the towns at the low Volga, kremlin, burg, travelers from Western Europe.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ ЭСЕРОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрены генезис, состав, функционирование центральных органов партии социалистов-революционеров в начале XX века.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, Центральный комитет (ЦК), заграничный комитет, заграничная делегация, состав, функционирование.

Для понимания сущности одной из самых значимых политических партий самодержавной России, партии социалистов-революционеров, чрезвычайно важно адекватное представление об ее центральных органах.

Образование партии эсеров и формирование ее центральных органов стимулировал арест 23 сентября 1901 г. Томской типографии Союза социалистов-революционеров, вскоре после которого лидеры Союза, А.А. и М.Е. Аргуновы, делегировали в Берлин М.Ф. Селюк, наказав ей «войти в соглашение с заграничными организациями и выпустить, во что бы то ни стало, № 3 “Революционной России”» [1, с.170; 2, оп.1, д.132, л.2]. Настойчиво убеждал М.Ф. Селюк эмигрировать и Е.Ф. Азеф, обещая материальную поддержку в Берлине и предлагая деньги на дорогу. Своему куратору, заведующему заграничным охранным отделением департамента полиции Л.А. Ратаеву, он писал 26 декабря 1901 г. из Берлина: «... вообще очень удачно вышло, что я спровадил сюда Селюк» [3, с.66]. Сам Е.Ф. Азеф выехал в Берлин 25 ноября, по словам А.А. Аргунова, «с полной доверенностью. ... За границей он должен был явиться от нас как представитель Союза» [1, с.170; 2, оп.1, д.132, л.3]. В конце ноября 1901 г. с целью объединения «Партии» и Союза эсеров и присоединения к ним эмигрантских эсеровских организаций в Берн прибыл Г.А. Гершуни, позиционирующий себя в качестве представителя «Партии социалистов революционеров» («южан») и эсеров Саратова. Из Берна, в сопровождении члена «Союза русских социалистов-революционеров» А.-Е.Г. Левита, он направился в Берлин для переговоров с Е.Ф. Азефом и М.Ф. Селюк. О том, что они будут в Берлине, он знал, находясь еще в Саратове [3, с.63; 2, оп.1, д.126, л.17; 4, оп.316, д.2., ч.8, лит.Б., л.1].

В Берлине Е.Ф. Азеф, Г.А. Гершуни и М.Ф. Селюк в течение нескольких дней вели беседы, в результате которых договорились считать, что слия-

---

* © Леонов М.И., 2016

Леонов Михаил Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева, mleonov40@gmail.com.

ние «Партии» и Союза эсеров, а, следовательно, и образование партии социалистов-революционеров состоялось; определили контуры Центрального Комитета и других центральных органов партии; решили впредь издавать «Революционную Россию» от ее имени, привлечь к редактированию газеты М.Р. Гоца и В.М. Чернова, получить согласие редакции «Вестника русской революции» быть теоретическим органом партии, инкорпорировать в состав партии Аграрно-социалистическую Лигу и Союз русских социалистов-революционеров, наладить транспорт литературы в Россию. Основная задача была решена.

Дальнейшие переговоры велись в Женеве, Париже и Берне. От партии эсеров в них принимали участие Е.Ф. Азеф и Г.А. Гершуни, а от эмигрантских организаций и изданий – М.Р. Гоц, В.М. Чернов, Х.И. Житловский, М.А. Розенбаум, Х.Л. Раппопорт, Н.С. Русанов, С.Н. Слетов, Л.Э. Шишко, И.А. Рубанович, Л.Г. Азеф, В.С. Житловская, А.-Е.Г. Левит. В курсе переговоров были Ф.В. Волховский, Н.В. Чайковский, Е.Е. Лазарев, А.Н. Бах, А.А. Чепик и А.В. Огарков. «Соглашение, – по словам Л.Э. Шишко, – было полное». [5, оп.1, д.134, л.97]. Извещение об образовании партии было опубликовано в № 3 «Революционной России».

Надо думать, что именно во время переговоров Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азефа и М.Ф. Селюк в Берлине было решено, что ЦК партии составят в основном известные эсеры Саратова («Саратовский ЦК»). Официальные партийные материалы о его составе, функциях и компетенциях чрезвычайно скудны. Вплоть до первого съезда партии (декабрь 1905 – январь 1906 гг.) формальные критерии, на основании которых можно судить о принадлежности к ЦК, отсутствовали. Для воссоздания более полной картины пришлось обратиться к другим источникам, в первую очередь, к мемуарам и материалам судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Состав «Саратовского ЦК» (его именовали «оседлым») представляется таким: Е.Ф. Азеф, Е.К. Брешко-Брешковская, П.П. Крафт, М.М. Мельников, Л.П. Буланов, А.И. Альтовский, С.Г. Клитчоглу, А.В. Милашевский, И.И. и Н.И. Ракитниковы, Д.С. Гендельман, В.А. Аверкиева, М.О. Лебедева, И.Ю. Старынкевич. Активную роль в делах ЦК играл также К.Р. Качаровский [2, оп.1, д.123, л. 11].

Функции «Саратовского» ЦК не были каким-либо образом сформулированы и зафиксированы. Многие его члены были людьми «легальными», семейными, пожилыми; ареал их деятельности ограничивался Саратовской и прилегающими губерниями, основные усилия связаны с изданием и распространением литературы. Местные организации в ходе «объездов» связывали в относительно единое целое «нелегалы» Г.А. Гершуни, П.П. Крафт, М.М. Мельников и Е.К. Брешко-Брешковская. Они же контролировали издательство и транспорт литературы, основали партийную типографию в Пензе, создали и возглавили Боевую организацию, организовали террористические покушения. Г.А. Гершуни, признанный лидер ЦК, осуществлял личную связь с заграничными организациями. Представителем ЦК за границей был М.Р. Гоц.

В конце сентября 1902 г., на совещании в Киеве Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азеф, П.П. Крафт и М.М. Мельников решили вместо «оседлого» создать «подвиж-

ной» ЦК [4, оп.316, 1898 г., д.1, ч.16, л.43-47]. Согласно плану, изложенному Г.А. Гершуни в письме в редакцию «Революционной России», предполагалось, что 5-7 районных представителей составят «подвижной центр» – основу ЦК. В качестве первых районных представителей наметили Г.А. Гершуни, Д.С. Розенблюма, Н.И. Ракитникова и М.Ф. Селюк [6, оп.1, д.567; 2, оп.1, д.128, л.34].

С.Н. Слетов после объезда российских организаций в 1902-1903 гг. пришел к заключению, что «в сущности говоря, организации в это время не было никакой, были просто группы работавших людей вот и все». По выражению Г.А. Гершуни, организация партии была «удивительно простой» [2, оп.1, д.128, л.29]. Столь же «удивительно простой» была структура центральных партийных органов. Общепартийные связи замыкались на Г.А. Гершуни и отчасти на П.П. Крафте и М.М. Мельникове, которых Г.А. Гершуни именовал помощниками № 1 и № 2. В ночь на 1 ноября 1902 г. были арестованы почти все проживающие в Саратове члены ЦК; 5 ноября 1902 г. арестовали П.П. Крафта, 22 января 1903 г. – М.М. Мельникова, 13 мая 1903 г. – Г.А. Гершуни. Первый ЦК партии эсеров перестал существовать.

В связи с отсутствием партийного центра, представители российских организаций вынуждены были обращаться к самому значимому, киевскому, комитету, возглавляемому С.Н. Слетовым и М.Ф. Селюк, за советом, деньгами, литературой, связями. В Киеве мало чем могли помочь просителям: денежные средства комитета были крайне скудны, связи с заграницей случайны и прерывисты, с планами и распоряжениями «гершуневского ЦК» они не были знакомы, эсеровский эмигрантский центр на обращения лидеров комитета не отвечал. «Положение было критическое», – отмечала М.Ф. Селюк [2, оп.1, д.132, л.6-7; 2, оп.1, д.130, л.36-37].

С мая 1903 г. за границей находились три члена ЦК: Е.Ф. Азеф, Е.К. Брешко-Брешковская и П.С. Поливанов. Согласно традиции они именовались «членами ЦК, временно пребывающими за границей», но также согласно традиции, они не составляли ЦК и не исполняли его функции. Вопреки распространенному мнению, ни В.М. Чернов, редактор «Революционной России», ни М.Р. Гоц, представитель ЦК за границей, членами ЦК в 1902-1904 гг. не значились. Тому есть документальные подтверждения. В протоколах заседаний Заграничного комитета партии эсеров четко фиксировался партийный статус присутствующих. Так, в протоколе заседания от 30 июля 1904 г. перечислены члены нового состава Заграничного комитета, в их числе М.Р. Гоц и В.М. Чернов; далее указывалось, что на заседании «присутствовали члены ЦК: Брешко-Брешковская и двое других» [6, оп.1, д.210, д.211].

Согласно партийной традиции, в конце 1903 – начале 1904 гг. «Бабушка», Е.К. Брешко-Брешковская, поручила Е.Ф. Азефу воссоздать ЦК. Сама Е.К. Брешко-Брешковская в многочисленных опубликованных и неопубликованных вариантах воспоминаний о таком поручении не обмолвилась ни одним словом. Около 14 января 1904 г. Е.Ф. Азеф прибыл в Петербург, имея при себе 28 тысяч франков (около 11 тыс. рублей) на организацию

покушений, «на транспорт», «оружие» и «другие расходы». На совещании видных эсеров и народовольцев, устроенном в начале апреля 1904 г. в Одессе, он сообщил, что явился по поручению «Бабушки» и редакции «Революционной России» с тем, чтобы восстановить Центральный Комитет, и предложил С.Н. Слетову, М.Ф. Селюк и А.И. Потапову войти в его состав. Вместе они договорились ввести в ЦК Н.Н. Фрейлиха, А.В. Фрейфельда, А.В. Фейта и А.В. Сазонова; после чего, оставив пароли и адреса, Е.Ф. Азеф отбыл из Одессы. [2, оп.1, д.1, л.1; там же, д.128, л.45-47; там же, д.132, л.7].

Оставшиеся в Одессе члены, если можно так сказать, «азефовского ЦК» выпустили прокламацию за подписью Центрального Комитета, первую за долгое время, объехали местные организации, подготовили отчет о деятельности ЦК за 1903-1904 гг. В мае 1904 г. С.Н. Слетов и М.Ф. Селюк выехали за границу, а во второй половине июля на съезде Заграничной организации в Германсе Е.Ф. Азеф сообщил им, что он без их ведома кооптировал новых членов ЦК, о некоторых же из тех, кого они ввели в ЦК во время совещания в Одессе, «забыл». В ответ на протесты С.Н. Слетова и М.Ф. Селюк, которые полагали, что обладают всеми правами членов ЦК, Е.Ф. Азеф заявил: «Я считаю, что Бабушкой мне дана миссия организовать Центральный комитет, так что я могу кооптировать, кого хочу; а вот когда уже закончу организацию, тогда уже дело пойдет своим порядком, тогда уже этот организованный Центральный комитет будет сам кооптировать новых членов». В присутствии Е.К. Брешко-Брешковской, М.Р. Гоца и В.М. Чернова «произошло целое объяснение». «Судьи» стали на сторону Е.Ф. Азефа. С.Н. Слетов в знак протеста вышел из состава ЦК, заявив при этом, по словам В.М. Чернова, что его «заслуги перед партией несоизмеримы с заслугами Азефа» [2, оп.1, д.128, л.67-69; 2, оп.1, д.117, л.2].

В сконструированный Е.Ф. Азефом ЦК с весны и до конца 1904 г. входили: Е.Ф. Азеф, А.А. Бельский, Е.К. Брешко-Брешковская, А.В. Гедеоновский, В.В. Леонович, И.И. Майнов, А.И. Потапов, А.В. Прибылев, И.И. Ракитникова, Н.И. Ракитников, М.Ф. Селюк, С.Н. Слетов, Н.С. Тютчев, А.Ю. Фейт, Л.В. Фрейфельд, Н.Н. Фрейлих, А.В. Сазонов, С.П. Швецов, А.В. Якимова. К концу 1905 г. численность ЦК достигла почти 40 человек; полного его состава в партии не знал никто; члены ЦК жили в разных городах и никогда вместе не собирались [2, оп.1, д.123, л.11].

Эффективность деятельности ЦК была незначительной. «Центральный Комитет не был в силах выполнять постоянно и исправно роль центра технического, центра справочного», – говорилось в «Кратком отчете о деятельности П.С.Р. за 1903-1904 г.» [6., оп.1, д.202]; «комитеты, – констатировалось в составленном Е.К. Брешко-Брешковской в 1904 г. «Отчете», – почти автономны и никакого ЦК не знают» [5, оп.2, д.113, л.21]. Лидеры комитетов говорили: «Мы Центрального Комитета не знаем, не видим и не слышим» [2, оп.1, д.130, л.134]. По характеристике Л.А. Ратаева, деятельность ЦК «трудно уловима и плохо поддается наблюдению» [4, оп.316, 1904 г., д.1, ч.1, л.136].

Первая попытка зафиксировать компетенции, функции и численный состав ЦК была предпринята в середине 1903 г. В подготовленном к I съезду

Заграничной организации документе «Деятельность партии» содержалась такая дефиниция: «Центральный комитет партии конституируется или решением съездов или соглашениями местных комитетов. Его задача обслуживать интересы местных комитетов, поддерживать связь между ними. Центральный комитет редактирует общепартийные воззвания и является исполнительным органом Партии в руководстве актами общепартийной непосредственной борьбой» [4, оп.1903 г., д.1550, влож.2в, л.5]. «Устав организации эсеров», утвержденный I съездом Заграничной организации, констатировал, что число членов ЦК не должно превышать 20-25 человек и что он «складывается из оседлого центра, имеющего местом пребывания избранный ЦК город», разъездных представителей и разъездных агентов [6, оп.1, д.211]. Практическая значимость этих документов и содержащихся в них дефиниций была ничтожной, поскольку ЦК ими не руководствовался, а многие его члены о них и не знали.

«В помощь и для содействия Центральному Комитету» по инициативе Е.К. Брешко-Брешковской, Е.Ф. Азефа и П.С. Поливанова в августе 1903 г. был сформирован Заграничный комитет. Основные его задачи формулировались так: транспорт литературы, сбор средств, пропаганда за рубежом идей партии и официальное представительство ее в Европе, отправка людей для работы в Россию, организация совместно с представителями ЦК редакций выходящих за границей повременных изданий и брошюр. В случае полной гибели ЦК в России Заграничному Комитету поручалось временно замещать его [4, оп.1903 г., д.1550., л.2; 5, оп.2, д.113., л.1-2].

В 1904 г. Заграничный комитет состоял из 10 человек, избранных на съезде Заграничной организации (В.М. Чернов, Л.Э. Шишко, Ф.В. Волховский, Е.Е. Лазарев, О.С. Минор, Н.В. Чайковский, В.З. Берлин, В.Х. Гоц, М.Р. Гоц, Ш.В. Бохановский) и еще трех, введенных ЦК (А.Н. Минор, Д.А. Хилков, Г.Ф. Бохановская) [6, оп.1, д.211]. Они возглавляли финансовую, издательскую, редакционную, транспортную, хозяйственную комиссии (всех комиссий было 13), ведали связями с российскими и зарубежными организациями, отправкой людей в Россию, перепиской с партийными организациями и многими другими делами [6, оп.1, д.210]. В общем и целом Заграничный комитет относительно исправно реализовывал значительную часть функций Центрального комитета партии.

Стараниями Е.К. Брешко-Брешковской и С.Н. Слетова во второй половине 1904 г. была сформирована Заграничная делегация, «руководящая коллегия из старших товарищей, нечто вроде Сената», в которую вошли А.Н. Бах, Е.К. Брешко-Брешковская, Ф.В. Волховский, О.С. Минор, Д.А. Хилков и Л.Э. Шишко. Предполагалось, что Заграничная делегация явится заграничным отделением российского ЦК, «обезопасенным от арестов», своего рода высшей инстанцией, обеспечивающей контроль над Заграничным комитетом, Боевой организацией, партийными финансами, издательской деятельностью, партийной агитацией [2, оп.1, д.128, л.54; 6, д.188; 7, оп.1, д.114, л.3-6]. Предположениям этим не суждено было реализоваться. После отъезда Е.К. Брешко-Брешковской в сентябре 1904 г. в Америку Заграничная делегация признаков жизни не подавала.

В комплектовании и функционировании центральных органов нелегальной заговорщической партии эсеров начала XX века явно проявлялись черты некоей подпольной секты. В этом отношении она была не одинока. «Традиции сектантской кружковщины» были свойственны в эти годы всем революционным партиям России [8, т.8, с.94; 9, с.40].

Библиографический список

1. Аргунов А. Азеф в партии эсеров // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. № 6.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1699.
3. Письма Азефа. М., 1994.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. ДП ОО.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5805.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.673.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 753.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
9. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М: РОССПЭН, 2002.

Mikhail I. Leonov

THE CENTRAL ORGANIZATIONS OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY IN THE EARLY XX CENTURY

The article is devoted to discussion of the genesis, composition, functioning of the central organ of the Socialist Revolutionary Party in the early XX century.

Keywords: Socialist Revolutionary Party, Central Committee (CC), foreign committee, Foreign delegation, composition, functions.

ОБРАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена изучению образа Л.Н. Толстого в русской культуре начала XX века. Используя в качестве материала философские трактаты и произведения изобразительного искусства, автор сопоставляет предложенные в них трактовки духовных исканий Л.Н. Толстого, выявляет общее и различное между ними. Узловой темой статьи является отношение Л.Н. Толстого к церкви и к учению Христа.

Ключевые слова: образ Л.Н. Толстого; изобразительное искусство; философия; церковь; бессмертие.

Начало XX века в Российской империи ознаменовалось величайшей по своему масштабу и значимости трагедией – смертью Л.Н. Толстого. Деятели культуры тотчас же отозвались на это событие, стремясь осмыслить роль Толстого в истории русской культуры и общественной жизни России с помощью разных жанров – с одной стороны, в литературных памятниках, публицистических трудах и религиозно-философских трактатах, с другой стороны, визуализируя и запечатлевая его жизнь в кадрах кинохроники, на полотнах художников. Это позволило создать цельную картину жизни и творчества Толстого с самых разных точек зрения.

Центральная проблема настоящей работы – анализ того образа Л.Н. Толстого, который формировался в культуре императорской России в последние годы жизни великого писателя и в первые годы после его смерти. Для воссоздания этого образа во всей его многогранности привлекаются и материалы философских работ, написанных в память о Л.Н. Толстом, и посвященные Л.Н. Толстому художественные произведения.

Данная работа выполнена в русле нового направления исторической науки – изучения истории памяти. Одним из главных сценариев культурно-антропологического поворота в науке стал возрастающий интерес к истории памяти. Историки начали обращать внимание на то, какие образы того или иного события хранятся в коллективной памяти людей, чтобы с их помощью реконструировать ценностные установки изучаемой эпохи, её цели и идеалы сквозь призму времени. Поскольку в последние годы в отечественной науке возрастает интерес к изучению духовных исканий Л.Н. Толстого, его взаимоотношений с церковью, его роли в формировании идейного климата России начала XX века (исследования К.Г. Исупова,

---

* © Пурыгин А.Е., 2016

Пурыгин Андрей Евгеньевич, аспирант кафедры Российской истории, Самарский государственный национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, e-mail: apurygin@rambler.ru.

Я.А. Гордина, П.В. Басинского [9, 6, 2]), изучение образа Л.Н. Толстого, сложившегося в памяти его современников, представляется актуальной научной задачей.

Среди философов начала XX века, обращавшихся к изучению духовных исканий Л.Н. Толстого, можно особо выделить нескольких: В.В. Зеньковский, В.Ф. Эрн, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев были крупнейшими представителями русской религиозной философии, тесно сотрудничавшими с издательством «Путь». Поэтому и о творчестве Толстого они размышляли со сходных позиций. В 1912 г. этим издательством был выпущен сборник «О религии Льва Толстого», авторы которого задались целью критически проанализировать противоречия между толстовством и христианской религией. Признавая Толстого носителем духа христианского откровения, все авторы сборника находят его призвание в религиозном пробуждении современного общества. Для понимания глубины и сложности противоречий, возникших у составителей сборника, кратко проанализируем основные работы.

В.В. Зеньковский в своей работе «Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого» поднимает самые важные в антропологическом и культурном значении вопросы о жизни и смерти, бессмертии души и её уходе в мир иной. Зеньковский делает вывод, что к религиозному миропониманию Толстой пришёл лишь тогда, когда понял, что жизнь может иметь смысл лишь в том случае, если он не отрицается и не погашается смертью [7, с.32]. Основным вопросом, определившим всё дальнейшее мистическое развитие Толстого, был таков: «есть ли в человеке связь с бесконечным?»

По учению Христа, как его толкует Толстой, «бессмертны не отдельные личности, а человечество, сознавшее себя сыном Божиим, – оно восторжествует над всеми и будет восстановлено в Боге» [7, с.35]. Бог, проявляющийся в разумном сознании каждого, постепенно всё шире раскрывается в человеке, и когда ему становится тесно в пределах личности, человек умирает, а та высшая жизнь, которая раскрылась в нём, продолжает развиваться в других формах. Бессмертие потому не связано с личностью, оно безлично: бессмертно в нас разумное сознание, любовь ко всему живому, тот универсальный разум, который может раскрыться в нас [7, с.46].

Однако толкование Толстым учения Спасителя о бессмертии, с точки зрения Зеньковского, не может нам дать ответы на вопросы о смысле жизни и ценности индивидуальной личности и души. Зеньковский делает вывод, что религиозная жизнь Толстого и его проповеди есть суровый урок всем нам как пример великого человека, отвернувшегося от учения Христа и разрушившего христианство в своих основах. Зеньковский объясняет почитание многими его современниками Толстого за истинного последователя Христа упадком религиозного самосознания [7, с.58].

С.Н. Булгаков в работе «Простота и опрощение» исследует кризис непонимания в мирозерцании Толстого. Он считает, что главные произведения Толстого приводят его к одному стремлению – уйти из города, из культуры, сесть на землю, опроститься, слившись с земледельческим лю-

дом в труде, в религиозном осмыслении жизни, в свободе от дурмана цивилизации [5, с.114]. Этот мотив опрощения был главным и самым искренним в душе и сердце Толстого. Своего Бога Толстой нашёл у народа, и пытался в поклонении народу принять народное православие. Религия и опрощение поэтому сливаются для него неразрывно [5, с.119].

Другой мотив опрощения у Толстого содержится уже в его собственном вероучении, основанном на его своеобразном истолковании Евангелия. Для него учение Христа имеет самый простой, практический смысл для жизни каждого отдельного человека. В учении об опрощении Толстым ставится и обостряется проблема христианского аскетизма. Толстой является здесь выразителем нового христианского сознания, носителем новых тревог и исканий, которые все сосредотачиваются около проблемы христианской культуры [5, с.141].

В.Ф. Эрн в своей работе «Толстой против Толстого» выдвигает гипотезу, что есть два Толстых: «Толстой природный и Толстой искусственный» [13, с.217]. Первый Толстой – богоданный, в своем величии приподнимающийся над Наполеоном Бонапартом, над войнами и историей, парящий в недостижимой высоте своего художественного гения, смеющийся над разумом и его предрассудками. Второй Толстой – искусственный, это персонаж толстовского романа «Воскресение» князь Нехлюдов, пытающийся разрушить то, что он сам создал, возводящий культ холодного рассудка, над которым он сам смеялся. Этот Толстой – холодный, рассудочный, лишенный живого тепла, жестокий и беспощадный в своей разумности. Нехлюдовский разум совершенно ничтожен перед духовными силами иного порядка, которые создают непредвиденные разуму события. Свободу художественному гению Толстого дает интуиция – непосредственное видение, направленное на образы, на целокупное видение жизни.

Нехлюдов хотел бы уверить нас и весь мир, что отношение Толстого к церкви одно: отрицательно-рассудочное [13, с.231]. Но чисто художественное признание Толстым церкви первичнее, значительнее и метафизически вернее. Это мы можем проследить в детском восхищении Толстого героем его трилогии «Детство. Отрочество. Юность» юродивым Гришей, молящимся простыми, искренними словами от чистого сердца. В Толстом-художнике Гриша не мог умереть, потому что гений Толстого раз и навсегда увидел, пробудил величайшую красоту и разумность Гриши. Стихия художественная, заключает Эрн, широко открывала глаза Толстого на мир, и он видел святость и неизбежность церкви. Отвергая церковь, Толстой тем самым убивал в себе художественную стихию. И духовная трагедия этой жизни закончилась скорбной смертью.

Н.А. Бердяев в своем труде «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л.Толстого» уверяет нас, что мироощущение Льва Толстого – внехристианское и дохристианское во все периоды его жизни [4, с.177]. Бердяев подчеркивает заслугу Толстого в том, что он с небывалой силой, как никто другой до него, стремится исполнить до конца все моральные заповеди. Он поставил всех нас перед вопросом: имеем ли мы право на жизнь, когда

вокруг нас страдают другие? И все люди с чуткой совестью горячо откликнулись на этот призыв Толстого. Бердяев делает вывод, что именно толстовский анархический бунт пробудил нас от религиозной спячки и предвещает грядущее христианское возрождение [4, с.194]. Он очистителен и праведен в своих основах, и значение его огромно. Без него не стал бы так остро вопрос о жизненном назначении христианства, о том, как проявлять чуткость и человеческое участие к людям.

Все авторы сборника, признавая Толстого великой фигурой в жизни XIX столетия, отмечают его раздвоенность: величие и трагедию как художественного гения, равного которому доселе не знало человечество, и скудность, однобокость, посредственность его религиозной публицистики. Однако они признают, что как проповедник, своей жизнью и поступками Толстой был велик, он научил нас заповеди непротивления злу насилием, научил любить мир и бескорыстно делать людям добро, и в его уходе отражается масштаб трагедии его личности, это – религиозное знамение, имеющее высший смысл.

Образ Л.Н. Толстого в культуре создавался не только с помощью слов, но и с помощью визуальных средств – живописи, кинематографа.

Толстой был дружен со многими художниками, создававшими его портреты, многочисленные иллюстрации к его произведениям. Наиболее доверительными и крепкими были дружеские отношения Л.Н. Толстого и И.Е. Репина, продолжавшиеся тридцать лет. Самый известный портрет Толстого Репин создал в 1887 году, всего за три сеанса. Ему удалось запечатлеть на полотне те черты Толстого, какие записал он в плане задуманной, но не написанной им статьи о Толстом: «Вырубленный задорно топором, он моделирован так интересно, что после его, на первый взгляд, грубых простых черт, все другие покажутся скучны» [11, с.78]. В портрете чрезвычайно знаменательно сочетание обобщенности трактовки образа с конкретностью облика писателя, порой граничащей с иллюзорностью [10, с.94]. Великолепна и его картина «Лев Толстой на пашне». Репин в своих воспоминаниях описал, как создавались подготовительные материалы к картине и какой жизненный факт отобразил он. Репин пишет: «Шесть часов, без отдыха, он бороздил сохой чёрную землю... Великий оратаюшка методически двигался взад и вперед, прибавляя борозды. Менялись только тени от солнца да посконная рубаха его становилась все темнее и темнее, особенно на груди, на лопатках и плечах от пота и черноземной садившейся туда пыли» [12, с.394-395]. Репинские портреты Толстого знаменовали важные для того времени тенденции развития русской живописи: стремление к эпичности, монументальности и к пленэрности. Эпичность образа Толстого выступала для Репина как некие крестьянские черты, самим Толстым в себе культивируемые [11, с.81].

В те годы в России бурно развивался совершенно новый для того времени жанр – кинематограф. Первым художественным фильмом, снятым о Льве Толстом, был фильм Якова Протазанова «Уход Великого старца». Сюжет фильма должен был раскрыть обществу тайные причины ухода великого

старца из Ясной Поляны и отобразить взаимоотношения Толстого с крестьянами и самым близким окружением. Сценарий к фильму написал Исаак Фейнерман под псевдонимом Тенеромо [1, с.73]. Ставить фильм поручили режиссеру Якову Протазанову. Протазанов быстро определил краеугольный стержень фильма: раз сюжет граничит с документальностью, значит, нужно документальнейшее сходство. Актер на роль Толстого был подобран удачно: на съемках в Киеве люди не отличали В. Шатерникова, взятого на эту роль, от самого Л.Н. Толстого. Режиссер сумел одной из узловых тем фильма сделать потусторонние видения Толстого и закончить фильм метафорической сценой: Христос на небесах принимает Толстого в свои объятия [1, с.74].

Фильм вызвал неоднозначную реакцию: члены семьи и друзья Толстого, приглашенные режиссером на предварительный просмотр, назвали фильм клеветой и надругательством над памятью Толстого. Нашлись и защитники фильма, называвшие его главной сенсацией года и шедевром кинохроники [1, с.74]. Однако фильм вышел в прокат только за границей.

Очерчивая образ Л.Н. Толстого, сложившийся в российской культуре в последние годы императорской России, мы можем прийти к выводу, что все – и философы, и художники, и кинематографисты, – при всех различиях в трактовке данного образа стремились найти точки соприкосновения друг с другом. Узловыми темами для них были духовные чаяния Толстого, стремление понять и отобразить его путь, найти примирение с церковью и со Христом, разрешить неразрешимые противоречия между Толстым-художником и Толстым-мыслителем. Главное отличие трактовки образа Толстого представителями изобразительного искусства от понимания его образа философами состоит в том, что последние пытались рационализировать духовные искания Толстого сквозь призму философских обобщений, а художники и кинематографисты стремились запечатлеть образ и душу Толстого в проникновенно-творческом поиске, используя художественные приемы создания образа. Искусство оставило для нас память о жизни Толстого в более яркой и выразительной форме.

Библиографический список

1. Аннинский Л.А. Лев Толстой и кинематограф. М.: Искусство, 1980.
2. Басинский П.В. Святой против Льва. М.: АСТ, 2013.
3. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л.Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.
4. Булгаков С.Н. Простота и опрощение // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.
5. Гордин Я.А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь [История великой утопии]. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2008.
6. Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Л.Н.Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.

7. И.Е. Репин и Л.Н. Толстой. Переписка в 2-х томах. Т.1. М.; Л., 1949.
8. Исупов К.Г. Чары троянского наследия // Лев Толстой. Pro et contra. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.
9. Капланова С.Г. Портреты Толстого в русском дореволюционном и советском искусстве // Л.Н.Толстой и изобразительное искусство. М.: Изобразительное искусство, 1981.
10. Милотворская М.Б. Толстой и Репин // Л.Н.Толстой и изобразительное искусство. М.: Изобразительное искусство, 1981.
11. Репин И.Е. Далекое-близкое. М.: Искусство, 1949.
12. Эрн В.Ф. Толстой против Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912.
13. Яков Протазанов. Сборник статей и материалов. М.: Госкиноиздат, 1948.

Andrey Purygin

**THE IMAGE OF LEO TOLSTOY IN RUSSIAN CULTURE
IN THE EARLY XX CENTURY**

The article contains the study of the image of Leo Tolstoy in Russian culture of the early 20th century. The author compares the interpretation of Tolstoy's spiritual quests in the philosophical works, paintings, and cinema, reveals similarities and differences between the interpretations. The main theme of the article is the attitude of Leo Tolstoy to the Church and the doctrine of Christ.

Keywords: image of Leo Tolstoy, arts, philosophy, church, immortality.

**УЛИЦА ДВОРЯНСКАЯ.
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕЛОВОГО ЦЕНТРА САМАРЫ**

Статья посвящена формированию и развитию делового центра Самары на рубеже XIX–XX вв., раскрытию особенностей размещения на нем различных учреждений. Показана важная роль улицы Дворянской в экономической, административной и культурно-развлекательной жизни города.

Ключевые слова: Самара, улица Дворянская, деловой центр

В последние годы история улиц пользуется большой популярностью среди самарских исследователей [5, 7, 8, 10]. И это вовсе не случайно, ведь улица – важнейшая из систем организации города, где каждый элемент несет свою функцию и выполняет свои задачи. В данной статье речь пойдет о центральной деловой улице Самары рубежа XIX–XX вв. – улице Дворянской. Критерии для выявления центрального делового района поволжского города вывела в своей кандидатской диссертации Е.В. Иванова [6], они включают в себя следующие пункты:

- концентрация деловых, административных и правительственных учреждений;
- выполнение финансовых операций высокого уровня;
- наличие культурно-просветительных и досугово-развлекательных учреждений;
- местонахождение особо значимых для города храмов и монастырей;
- наличие важных образовательных, медицинских и социальных учреждений;
- концентрация крупных торговых фирм и дорогих магазинов.

Рассмотрим, насколько Дворянская улица подходит под приведенные критерии, и какими факторами обуславливалось расположение того или иного учреждения на главной улице города.

Истоком улицы Дворянской является место, где начинается отсчет своей истории сама Самара, – современная Хлебная площадь, на территории которой располагалась крепость. Впервые улица появляется на плане города еще в 1782 г., но фактически начинает застраиваться с 1810-х гг. К тому времени улица и находившаяся на ней площадь двух рынков являлись границами города. Но уже к 1850-м, с окончательным оформлением Алексеевской площади как нового торгового центра, она принимает эстафету «главной» самарской улицы.

---

* © Чепурнова Е.И., 2016

Чепурнова Елена Игоревна, магистрант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, lenhincep@gmail.com.

Так сложилось, что Дворянская поделена на две части Алексеевской площадью, это определило и ее функциональное районирование. Часть улицы, расположенная между Хлебной и Алексеевской площадями, сконцентрировала в себе городские усадьбы мещан, купцов и дворян; чем ближе к Алексеевской площади располагается усадьба, тем богаче ее внешний вид и состоятельнее владельцы. Первые кварталы Дворянской от Хлебной площади (9-й и 10-й) изобиловали торговыми лавками, принадлежащими состоятельным мещанам. Здесь были и винный магазин (Дворянская, 3), и бакалейные лавки (Дворянская 13, 16, 24-26) [5, с.26, 38, 92]. В архитектурном плане большинство зданий этих кварталов были непримечательны. Среди образцовых мещанских домов изредка встречается эклектика – двухэтажная усадьба Квашенкина в «кирпичном стиле», эклетичная усадьба статского советника В.Н. Волкова и двухэтажный каменный флигель в стиле модерн на том же участке. Здесь же располагался величественный доходный дом из красного кирпича.

Для следующих четырех кварталов образцовые здания – уже редкость. На рубеже XIX – XX вв. разбогатевшие купцы на «хлебные» деньги выстраивают здесь помпезные особняки и доходные дома. Последние приносили большую прибыль. Близость к Алексеевской площади и Окружному суду делала квартиры и другие помещения для лавок и контор в этих домах дорогими и привлекала чиновников, работавших в суде. В одном из таких домов (Дворянская, 32) снимал квартиру адвокат и присяжный поверенный Окружного суда О.Г. Гиршфельд [5, с.137], будущий хозяин фахверкового дома, известный также своей дружбой с В.И. Лениным. В другом здании доходного дома на углу Дворянской и Воскресенской улиц, построенном архитектором Ф.П. Засухиным в неоготическом стиле, жил нотариус Швецов [5, с.262]. Городские усадьбы в этой части Дворянской интересны своими архитектурными решениями. Отметим дом № 38, отстроенный мещанином Л.И. Щипаевым в 1903 году в стиле модерн, особняк купеческой семьи Комаровых в неоклассическом стиле (Дворянская, 61), дом № 69 А.И. Кирилова в псевдорусском стиле, построенный А.У. Зеленко. Стоит сказать, что и владельцы особняков сдавали квартиры внаем, часто владельцу принадлежало 2 или даже 3 смежных участка. В этом случае помещения обычно сдавались под лавки (бакалейная лавка В.В. Путилова в доме Комаровых; булочная и кондитерская Н.Л. Пирогова на участке Кириловых).

Примечательна эта часть улицы тем, что по мере приближения к Алексеевской площади увеличивалось число различного рода городских и коммерческих учреждений. Первым из крупных общественных учреждений в этой части улицы стала Самарская Александровская публичная библиотека, расположившаяся еще в 1859 г. по адресу Дворянская, 62. Непосредственно в рассматриваемый нами период то же здание занимала городская управа, типография газеты «Городской вестник», Самарский городской общественный банк, а после капитального ремонта здания и надстройки третьего этажа в 1906 г. там же было выделено помещение под Сиротский суд [12, оп.37, д.151, л.80]. 25 марта 1870 г. в доме № 74 прошло торжественное от-

крытие Самарского Окружного суда, который размещался в этом здании до января 1918 г. Интересно отметить тот факт, что в 60-х и даже в начале 70-х гг. XIX в., когда Алексеевская площадь еще имела важное торговое значение, в этом здании размещалось несколько лавок и первый в Самаре вино-колониальный магазин Н.Л. Санина [9, с.143]. В финансовой жизни города большую роль играл Русский Торгово-Промышленный Коммерческий банк, разместившийся на Дворянской, 57. А в 1911 г. на дворовом месте купца С.А. Гринберга (дом № 36-38) был открыт Учительско-педагогический институт (среднее учебное заведение).

С образования Самарской губернии и до открытия Кафедрального собора Алексеевская площадь была сердцем города. Помимо того, что до конца 1870-х гг. на ней располагался главный базар, над которым возвышалась трехъярусная башня с часами, позже перенесенная вместе с базаром на Троицкую площадь [9, с.160-161], с 1870-х гг. в шаговой доступности от нее расположились все административные здания. Кроме того, «все происходившие в то время празднества и торжественные молебны совершались всегда на Алексеевской площади» [9, с.202]. Площадь можно назвать своеобразным центром, в котором рождалась новая Самара, Самара купеческая, которую скоро назовут «Русский Чикаго». Именно с этого места начинается и новая Дворянская улица, сплошь усеянная правительственными учреждениями, банками, гостиницами, магазинами, кинотеатрами и фотостудиями.

На той части улицы, которая расположена между Алексеевской площадью и Струковским садом, практически каждое здание является памятником истории или архитектуры. К центральной площади тяготеют административные учреждения. С 1889 г. в доме № 89 располагалось Губернское правление и квартира губернатора, позже при нем открылся полицейский музей. Только в 1916 г. правление переехало в специально выстроенный губернаторский дом, расположенный рядом с новым центром разросшегося города – Соборной площадью. До 1896 г. здание на Дворянской, 103 занимала Публичная библиотека и «Зал императора Александра II», которые позже также были перемещены дальше по улице.

Бурный экономический рост Самары и губернии конца XIX в. способствовал развитию финансовой инфраструктуры и, как следствие, появлению большого количества банков в городе. Дворянская улица на рубеже веков в общей сложности насчитывала около десятка различных финансовых учреждений: среди них Губернское Акцизное Управление (1895-1912 гг., дом № 19), Самарское общество взаимного кредита (1893-1909 гг., дом № 93), Самарское отделение Русского для внешней торговли банка (1909-1916 гг., дом № 113), Самарское отделение Крестьянского поземельного банка и Самарское отделение Дворянского поземельного банка (1912-1916 гг., дом № 153) и т.д. Таким образом, здесь сконцентрировалась основа финансовой системы города, и улица Дворянская являлась его деловым центром.

Улица, где размещены основные административные и финансовые учреждения, всегда наполнена состоятельными горожанами и деловыми гос-

тиями города, что, в свою очередь, не может не привлекать предпринимателей, заполонивших «Самарский Бродвей» массой культурно-развлекательных заведений, не говоря уже о лавках и магазинах, на витринах которых красовались самые разные товары. Еще в 1877 г. П.В. Алабин писал: «на этой улице сосредоточена торговля из магазинов и лучших лавок города... В последнее время эти лавки стали щеголять друг перед другом зеркальными окнами и красивыми в них выставками товаров» [4, с.637]. Дворянская и Панская улицы становятся местом развития магазинной торговли. Первые этажи большинства особняков на Дворянской сдавались внаем под магазины и бюро. Самарские «Адрес-календари» пестрят следующего рода объявлений: «Справочная контора С.И. Карцева на Алексеевской площади: главная задача конторы сблизить стороны спроса и предложения» [1]; «Депо часов, золотых, серебряных и бриллиантовых вещей Ф. Шварц на Дворянской: цены весьма добросовестные» [2]; «Фотография Долобовского: съемка моментально во всякую погоду» [1]; «Табачный магазин разных фабрик» [3] и прочее. Состоятельные гости города селились на главной улице в лучших гостиницах: гостиничном комплексе Аннаева, гостинице «Бристоль», «Гранд-Отеле», при которых размещались первоклассные рестораны [11].

Деловой центр города неизбежно притягивал и новинки культурно-развлекательного характера. Именно здесь появляются первые ласточки развивающегося синематографа: Электротheater «Триумф» – дом 95; «Художественный Бомонд-Иллюзия» – Дворянская, 113; «Биоскоп» – дом 104. На Дворянской возникает и первый самарский велодром, организованный Ф.А. Нейманом, время от времени устраивались велосипедные гонки, собиравшие многочисленную публику, зимой заливался каток [9, с. 317-318]. Но главным досуговым центром для всех самарцев неизменно оставался Струковский сад, разместившийся в конце Дворянской, где в знойные летние вечера в воксале устраивались танцы, выступали музыканты и продавали вкуснейшее мороженое на волжском побережье. Еще одним культурно-развлекательным учреждением, в какой-то степени предопределившим развитие улицы, стал городской театр, который изначально располагался у истока улицы – на современной Хлебной площади, а в 1888 г. был перенесен в новое здание в псевдорусском стиле на противоположном конце Дворянской. Театр расположился прямо напротив Струковского сада, и, таким образом, Дворянскую улицу замкнули главные культурно-развлекательные заведения губернского города. Интересно отметить, что в 80-х гг. XIX в. эта часть улицы была окраиной города, в районе театра росли деревья – остатки дикорастущего леса [9, с.142]. И даже в конце 1890-х гг. при обсуждении устройства на Дворянской асфальтовой мостовой было принято решение не укладывать асфальт вдоль Струковского сада в связи с тем, что эта часть улицы оживляется только во время представлений в театре [12, оп.37, д.10. л.16].

С постройкой Кафедрального собора в 1894 г. Соборная площадь перетягивает к себе часть административных учреждений, в частности, уже упомянутый губернаторский дом. Туда же перемещаются все праздничные

молебны и мероприятия общегородского масштаба. Дворянская же еще долгое годы остается главной деловой артерией города и его культурно-развлекательным центром.

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что ввиду целого ряда обстоятельств, главным из которых был «хлебный бум» в Поволжье во второй половине XIX в., улица, имевшая важное торговое значение, стала центром развития финансовой системы города, что повлекло за собой перемещение на Дворянскую и части административных учреждений. Все это сделало Дворянскую наиболее выгодной для развития магазинной торговли и размещения культурно-развлекательных учреждений, что не могло не привлечь предприимчивых самарских купцов. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. улицу Дворянскую по праву можно было называть деловым центром Самары.

Библиографический список

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899. 576 с.
2. Адрес-календарь Самарской губернии на 1902 год. Самара, 1901. 546 с.
3. Адрес-календарь Самарской губернии на 1903 год. Самара, 1902. 598 с.
4. Алабин П.В. 25-летие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. 762 с.
5. Алексушина Т.Ф., Алексушин Г.В., Буданова А.А. Самара, улица Дворянская. Иллюстрированная энциклопедия. Самара: Офорт, 2009. 747 с.
6. Иванова Е.В. Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX вв. на материалах Саратова: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 254 с.
7. Кабытов П.С. Быть ли улице Казачьей // Кабытов П.С. Историк в прошлом и настоящем. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 270–275.
8. Каркарьян В.Г. Старая Самара: история, дома, люди. Очерки по истории города и его архитектуре. Самара: СВИР, 1998. 254 с.
9. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. К.П. Головкин. Самара в конце XVIII – начале XIX вв. (краеведческая картотека) / Ред. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 432 с.
10. Молько В.И. Путешествие по одной улице. Куйбышев: Книжное изд-во, 1987. 184 с.
11. Памятная книжка Самарской губернии на 1915 год. Самара, 1915. 482 с.
12. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 153.

**DVORYANSKAYA STREET.
FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE BUSINESS CENTER OF SAMARA**

The article is devoted to formation and development of the business center of Samara at the turn of 19th – 20th centuries; it contains the characteristics of the location of different institutions on this street. The author shows the important role of Dvoryanskaya Street in the economic, administrative, cultural and entertainment life of the city.

Keywords: Samara, Dvoryanskaya Street, business center

**АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА САМАРСКОГО КРАЯ XVIII – XXI ВЕКОВ:
ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

В статье изучаются особенности развития армянской общины в Самарском крае на протяжении XVIII – XXI вв., включая её миграционные показатели, институты представительства и социокультурную деятельность. Делается вывод о том, что армянская диаспора Самарского края прошла в своем развитии четыре ключевых этапа.

Ключевые слова: армяне, Самарский край, Армения, миграция.

Армянская диаспора Самарского края формировалась за счёт миграций, масштабы которых были обусловлены историческими событиями в Армении и формированием мировой армянской диаспоры. Исследование проблемы армянской диаспоры охватывает историю армянского и русского народов, их взаимодействия в условиях социокультурного пространства Самарского края.

Первым, кто совершил попытку изучить данную проблему, был известный самарский архитектор В.Г. Каркарьян. По его мнению, впервые армяне появились в Самаре во второй половине XIX в., он связал этот период с деятельностью армяно-католика, купца Е.Н. Аннаева [15]. А.Р. Мартиросян изучил численный состав армяно-григорианского населения Самары в конце XIX в. и рассмотрел историю армяно-григорианского молитвенного дома [18]. В диссертации Л.А. Агаджанян исследованы этнокультурные и миграционные характеристики современной армянской общины Самары [1]. В.В. Шарапов изучил проблемы исторической памяти современной армянской диаспоры Самары [33]. Проблемы современной армянской диаспоры были рассмотрены А.С. Ирицяном [14]. Таким образом, в историографии преимущественно рассмотрена деятельность современной армянской диаспоры и отдельные исторические сюжеты.

Обратимся к истокам армянской диаспоры. Первые сведения о пребывании армянского населения в Самарском крае мы находим в трудах П.С. Палласа и И.И. Лепехина. Иван Лепехин в своих записках 1769 г. описывает Усольские горы, где упоминает так называемый «Армянский крутец», который сомкнулся с Соколей горой в Жигулях: «Армянский крутец называется от Армян, взбунтовавшихся некогда в Астрахани и засевших на

---

* © Мкртчян Л.Г., 2016

Мкртчян Луиза Геворговна, магистрант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; Mkrтчyanluiza@yandex.ru.

сей горе...» [12, с.323]. П.С. Паллас описывает Кабацкую долину, окруженную неприступной горой, которую называли Армянской [30, с.215]. Данные источники указывают топонимы «Армянская гора» и «Армянский крутец», что говорит о первом опыте пребывания армянского населения на самарской земле.

Источниковые материалы, содержащие сведения о постоянном пребывании и деятельности армянской диаспоры в Самаре, относятся к концу XIX в. Данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. показали, что в городе Самаре жило 1265 человек армянской национальности. При этом часть из них были армяно-григориане – 21 человек (18 мужчин и 3 женщины), а остальные – армяно-католики – 1244 человека (789 мужчин и 455 женщин) [21, с.196].

«Памятные книжки» и «Адрес-календари» Самарской губернии ценны тем, что они показывают, как с конца XIX в. Самара активно заселялась армянским купечеством, представлявшим собой тесную торгово-промышленную и этническую общность. Так, в 1895 г. в Самаре была основана фабрика Товарищества производства кавказской обуви братьев Чавушьянц [24, с. 34]. На 1900 г. в городе Самаре торгово-промышленной деятельностью занимался Аветис Саркисов (на пересечении улиц Александровской и Уральской) [10, с. 175]. Строительной компанией руководил С.Е. Ованнесянц. Продажей бакалейных и персидских товаров занимался Х. Г. Кеворков. Вино-гастрономической торговлей был занят А. Акопьянц [11, с. 29].

Яркими представителями армянского купечества на рубеже веков были Е.Н. Аннаев и С.М. Матосов. С именем Е.Н. Аннаева связано открытие в Самаре кумысолечебницы и строительство католического храма на Дворянской улице [13]. С.М. Матосов был крупным виноторговцем и поставлял в Духовную консисторию Самары церковное вино «лучшего качества» [25, № 2, с.83].

Рост численности диаспоры был напрямую связан с крупными потоками эмиграции армянского населения из Армении. В годы Геноцида (1915-1923 гг.) в Самарский край прибыли сотни армянских беженцев, о чем свидетельствуют архивные документы из фонда ЦГАСО периода 1918-1920-х гг. [31, оп.4, д.8]. Центром прибытия беженцев была Самара. Главным основанием для получения российских паспортов были удостоверения и билеты беженцев, выданные Датским Красным Крестом. По нашим подсчетам, паспорта в Самаре получили более тысячи армянских беженцев. Всего же в Поволжье, по подсчётам А. Амбаряна, в период Геноцида прибыло около 4 тысяч беженцев [2, №11, с.138].

Именно в это время в Самаре была зарегистрирована Армяно-григорианская религиозная община «Святой Гевонд» [32, оп.3, д.40]. В армянском приходе активно проходили богослужения во главе с духовным пастырем армян г. Самары архимандритом Григорисом, действовал армянский молитвенный дом. Наиболее ранние сведения о деятельности армянской религиозной общины относятся к ноябрю 1918 г., когда проводилась проверка состояния церковного имущества Армянского молитвенного дома [32, оп.3, д.40, л.12].

На основании данных документов можно утверждать, что армянская диаспора г. Самары была оформлена в первую очередь как религиозная организация. Она имела во главе духовного пастыря, церковного старосту, председателя церковного попечительства. Благодаря этому реализовывалась основная функция общины – помощь собратьям-беженцам. Религиозная деятельность армянской церкви заканчивается в апреле 1922 г., когда была проведена опись имущества церкви [32, оп.3, д.40, л.7]. Но, несмотря на это, армянская община до 1931 г. втайне проводила богослужения в квартире одного из беженцев, Тадевоса Мирзаянца.

На данном этапе диаспора активно участвовала в общественно-политической жизни Самары и судьбе своих соотечественников. В 1919 г. была создана Армянская секция РКП(б) [26, оп.1, д.101, л.53]. 20 ноября 1926 г. община представила театральную постановку. Полученные средства направлялись жителям Ленинакана, пострадавшим от землетрясения [26, оп.1, д.2028, л.219об]. В 1931 г. была создана секция армяно-грузинского национального меньшинства [16, №1, с.33-34].

Вторая половина XX в. характеризуется стремительным ростом численности армянской диаспоры Самарского края. Так, в 1939 г. в области насчитывалось уже 816 человек армянской национальности, из которых 462 человека проживало в г. Куйбышеве. В 1959 г. насчитывалось 1027 чел. [7]; в 1970 г. – 1929 чел. [8], в 1989 г. – 4162 чел. [9]. Следовательно, за данный период численность диаспоры возросла в 5 раз.

В годы Великой Отечественной войны начала формироваться армянская интеллигенция края, появлению которой способствовала эвакуация в Куйбышев высококвалифицированных научных, военных, партийных кадров. В эвакуации в Куйбышеве находился кандидат философских наук С.Т. Аздуни, который в Куйбышевском пединституте работал над докторской диссертацией об эстетическом учении Чернышевского [4, с.341]. Целый ряд личных дел, в том числе рассекреченных, в фондах СОГАСПИ свидетельствует о том, что в Куйбышеве в годы Великой Отечественной войны находились военные специалисты армянского происхождения. Многие из них занимали ответственные должности. П.Е. Хачатурьян с декабря 1942 г. в Куйбышеве занимал должность секретаря горкома по оборонной промышленности, а с октября 1943 г. был заведующим отделом оборонной промышленности [29, оп.30, д.2516, л.2об-4].

Во второй половине XX в. представители армянской диаспоры оставили яркий след почти в каждой сфере художественной жизни Самары. К периоду 1950-1970-х гг. относится деятельность талантливого художника, директора Куйбышевского художественного музея А.Н. Михраняна [27, оп.1, д.70]. В конце 1950-х гг. в Куйбышев приезжает знаменитый архитектор В.Г. Каркарьян, к числу работ которого относятся проекты Армянской Апостольской Церкви Святого Креста в Самаре, Железнодорожного вокзала и др. [19]. В Самаре проживает широко известный автор исторических романов Луи Бриньон (Л.А. Агаджанов) [17].

Современная армянская диаспора Самарского края сформировалась в конце 1980-2000-х гг. Этому способствовали трагические события в Арме-

нии и Нагорном Карабахе, тяжелая экономическая ситуация в Армении вследствие транспортной блокады. Численность диаспоры резко возросла вследствие иммиграции из Армении и Нагорного Карабаха: в 5 раз. Согласно переписям населения, если в 1989 г. диаспора области насчитывала 4 162 человека, то к 2002 г. она составила 21 566 [5], а в 2010 г. – 22 981 человек [6].

Главной задачей было оказание не только материальной помощи землякам, но и помощи в адаптации к новой социальной среде. В результате в 1995 г. армянская диаспора была представлена в духовном отношении религиозной организацией ААЦ «Святой Крест». Духовным пастырем армян Самарского края является иерей Киракос Агосян. В социально-правовом аспекте диаспора представлена «Армянской общиной» и национально-культурной автономией «Наири» во главе с З.М. Мирзояном. «Армянская община» носит статус областной общественной организации, председателем которой является А.Р. Мартиросян [22]. С 1995 г. также действует «Союз тольяттинских армян». В Тольятти построена Армянская церковь Святой Богородицы, которая будет освящена в ближайшем будущем [23].

Деятельность диаспоры связана с идеей духовного единения армян края, основой которого служат национальная религия, историческая память, светская культура и искусство. Проводятся различного рода мероприятия, приуроченные к знаменательным датам. Так, 23-24 апреля 2015 г. Самаре проводились траурные мероприятия и шествие, посвященные столетию Геноцида армян [20, №2, с.6-8]. 17 сентября 2016 г. был проведен Самарский национально-культурный форум-2016, на котором выдвигались идеи консолидации армянской диаспоры [3].

Таким образом, в формировании армянской диаспоры Самарского края можно выделить несколько этапов. Первый этап охватывает XVIII – вторую половину XIX вв.; на этом этапе армянское население Самары было немногочисленно, а его основу составляли купцы и предприниматели. Второй этап приходится на первую половину XX в.; его отличительной чертой является резкое увеличение численности армянской диаспоры Самары вследствие массовой миграции в годы Геноцида. Третий этап охватывает годы Великой Отечественной войны и послевоенный советский период; на этом этапе формирование диаспоры было связано с переездом в г. Куйбышев представителей армянской интеллигенции. Четвертый этап, начавшийся на рубеже 1980-1990-х гг., продолжается по настоящее время; его характерными чертами стало масштабное увеличение численности армянской диаспоры вследствие массовых миграций и стремление к сохранению национальной идентичности представителей армянской диаспоры края.

Библиографический список

1. Агаджанян Л.А. Армянская община в Самаре: история и этнокультурные аспекты развития (середина XIX -XXI века): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2016.

2. Амбарян А. Интеграция армянской диаспоры в общероссийский социум на примере Поволжья: ретроспектива проблемы // *Власть*. 2011. С.138-141.
3. Армяне: пути развития и консолидации общества / Самарский национально-культурный форум-2016. Самара, 2016.
4. Война. Власть. Наука. 1941-1945. Сборник документов и материалов / Под ред. Г.А. Широкова, П.С. Кабытова. Самара, 2005.
5. Всероссийская перепись населения 2002 г. // Сайт еженедельника «Демоскоп Weekly» [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru>
6. Всероссийская перепись населения 2010 г. // Сайт еженедельника «Демоскоп Weekly» [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru>
7. Всесоюзная перепись населения 1959 г. // Сайт еженедельника «Демоскоп Weekly» [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru>
8. Всесоюзная перепись населения 1970 г. // Сайт еженедельника «Демоскоп Weekly» [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru>
9. Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Сайт еженедельника «Демоскоп Weekly» [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru>
10. Вся Самара. Справочник и адресная книга. 1900. Самара, 1900.
11. Вся Самара. Спутник-указатель. 1911. Саратов, 1911.
12. Дневниковые записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768-1769 году. СПб., 1771.
13. Ерофеев В. Общественная служба самарского купца первой гильдии // Сайт газеты «Волжская коммуна» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkonline.ru>
14. Ирицян А.С., член правления Самарской областной общественной организации «Армянская община» // Гармонизация межнациональных отношений и профилактика межэтнических конфликтов. Материалы межрегионального семинара-тренинга / Под ред. А.В. Связовой, А.В. Ястребова. Самара, 2007. С.55-56.
15. Каркарьян В.Г. Армяне // Этносы Самарского края. Историко-этнографические очерки / Под ред. Т. И. Ведерниковой. Самара, 2003. С.220-226.
16. Курятников В.Н. Клуб нацмен им. тов. Сталина // Самарская область. Этнос и культура. 1996. С.33-34.
17. Луи Бриньон // Энциклопедия фонда «Хайазг» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.hayazg.info>
18. Мартиросян А.Р. Армения и армяне Самарской губернии. Самара: Армянская община, 2003.
19. Михайлова О. Лица Самарской губернии: Каркарьян Ваган Гайкович // Сайт журнала «Самарские судьбы» [Электронный ресурс]. URL: <http://samsud.ru>
20. Мкртчян Л. Траурные мероприятия в честь столетия Геноцида армян, проведенные в городе Самаре (23 – 24 апреля 2015 года) // *Нарек*. 2015.
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XXXVI. Самарская губерния / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904.

22. Сайт армянской общины Самарской области [Электронный ресурс]. URL: <http://samarahay.ru>
23. Сайт армянской общины Тольятти [Электронный ресурс]. URL: <http://pairi.info>
24. Самарская губерния: день за днем... 1891-1895 годы. Хроника событий / Сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара: Универс-групп, 2004.
25. Самарские Епархиальные ведомости, издаваемые при Епархиальном братстве Св. Алексия. 15 января 1896 года.
26. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.1.
27. СОГАСПИ. Ф.Р-35.
28. СОГАСПИ. Ф.656.
29. СОГАСПИ. Ф.714.
30. Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сборник документов и материалов / Под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2000.
31. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-193.
32. ЦГАСО. Ф.Р-828.
33. Шарапов В.В. Межэтнические противоречия и проблема толерантности в межнациональных отношениях. Самара: СГПУ, 2005.

Luiza Mkrtchyan

**THE ARMENIAN COMMUNITY
OF SAMARA REGION IN XVIII - XXI CENTURIES:
PERIODS OF FORMATION**

The article is devoted to the history of the Armenian community in Samara region during XVIII - XXI centuries. The author distinguishes four main periods of formation of the Armenian community in Samara region.

Keywords: Armenians, Samara region, Armenia, migration.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале «Самарский земский сборник» публикуются обзорные и оригинальные статьи по историческим наукам, а также краткие научные сообщения и рецензии.

Требования к оформлению статей

Статья, предоставляемая для публикации, должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана.

1. Перед статьей указывается **код УДК**. Его можно определить, в частности, на сайте <http://www.naukapro.ru/metod.htm> и др.

2. После указания авторов статьи дается сноска, в которой должны содержаться фамилия, имя, отчество авторов (полностью), ученая степень, полное название организации – места работы исследователя, адрес электронной почты и телефон для связи с авторами.

3. После названия статьи дается краткая **аннотация** (3-4 строки) и 3-6 **ключевых слов/словосочетаний** (отделяются друг от друга запятой).

4. Завершает статью **библиографический список** (т.е. алфавитный перечень всех работ, на которые в статье даются ссылки), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.05-2008, с которым можно ознакомиться по электронному адресу: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614>.

5. При использовании Интернет-ресурсов желательно ставить название сайта / сетевого ресурса.

6. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц: [1, с. 21]; [1, с.21; 2, с.33].

7. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке **архивные фонды** оформляются по следующему принципу: [9. Оп.4. Д.257. Л.86об].

8. После текста статьи и библиографического списка приводятся **на английском языке** имя и фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова.

Обязательные параметры электронной версии статьи:

- файл в формате *.doc или *.rtf;
- объем статьи – до 15 тыс. знаков;
- поля: 2 см с каждой стороны;
- абзацный отступ – 1 см;
- межстрочный интервал – 1,5;
- шрифт Times New Roman; размер основного текста – 14, сносок, аннотации и ключевых слов – 12.

Библиографический список в конце статьи:

- в список помещаются только работы или архивные фонды, на которые есть ссылки в тексте;
- список составляется в алфавитном порядке;

Статьи просим направлять на имя ответственного секретаря издания Леонтьевой Ольги Борисовны по электронному адресу: oleontieva@yandex.ru

---

Образец оформления статьи

УДК...

ФИО *

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Ключевые слова:

Текст статьи [1, с...]....[3; 5].... [2, с...; 5, с...] ...

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119-132.
3. Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С.18-35.
4. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): автореф. дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
5. Репина Л.П. От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000848-1-1>
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 470.
7. РГИА. Ф. 777.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.150.
9. ЦГАСО. Ф.153.

Имя, фамилия (латинск. шрифт)**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (НА АНГЛ. ЯЗ.)**

Аннотация (на англ. яз.):

Ключевые слова (на англ. яз.):

